
Гамитав
Гош
Голодный прилив
18+
ph

Амитав Гош

Голодный прилив

«Фантом Пресс»

2004

УДК 821.111
ББК 84(5Инд)

Гош А.

Голодный прилив / А. Гош — «Фантом Пресс», 2004

ISBN 978-5-907943-24-7

К востоку от Индии, в Бенгальском заливе, раскинулся лабиринт из крошечных островов, известных как Шундарбун. Обитатели Шундарбун живут в страхе перед приливами и отливами. Это место одновременно прекрасно и опасно: здесь тигры могут появиться из ниоткуда, вода способна за несколько часов изменить очертания суши, а жизнь человека зависит от капризов природы. Именно сюда приезжает Пия, молодая американка, изучающая редкие виды речных дельфинов. Она не знает бенгальского языка и чувствует себя чужой в этой прекрасной, загадочной и суровой стране. В первый же день исследований судьба сводит Пию с двумя совершенно разными людьми – бедным рыбаком Фокиром, который понимает природу лучше любого исследователя, и переводчиком Канаи, образованным и самоуверенным столичным жителем. Приключенческая история о путешествии по экзотическим местам постепенно перерастает в размышление о хрупкости человека и цивилизации. Амитав Гош через историю Пии, Фокира и Канаи показывает столкновение науки и традиционного знания, города и дикой природы, рациональности и интуиции. Каждый из героев пытается постичь не только окружающий мир, но и себя. «Голодный прилив» – роман о природе, которую невозможно приручить, и о людях, которые пытаются обрести с ней гармонию.

УДК 821.111
ББК 84(5Инд)

ISBN 978-5-907943-24-7

© Гош А., 2004
© Фантом Пресс, 2004

Содержание

Часть первая 7
Страна отлива 7
Приглашение 11
Каннинг 15
Начало 24
Лусибари 27
Падение 30
С'Дэниэл 34
Окно снелла 37
Фонд 40
Фокир 43
Письмо 45
Лодка 48
Нирмол и нилима 51
Стоянка 55
Кушум 58
Слова 61
Конец ознакомительного фрагмента. 64

Гош Амитав
Голодный прилив

The Hungry Tide by Amitav Ghosh
Copyright © Amitav Ghosh 2004
© Мария Александрова, перевод, 2026
© Андрей Бондаренко, оформление, 2026
© «Фантом Пресс», издание, 2026
Книга издана при содействии The Wylie Agency (UK) LTD

Посвящается Лиле

Часть первая
Отлив: Бхата

Страна отлива

Кана́и заметил ее, едва ступив на запруженный людьми перрон, его не ввели в заблуждение ни коротко подстриженные черные волосы, ни одежда мальчика-подростка – мешковатые хлопковые штаны и бесформенная белая рубаха. Уверенно петляя между разносчиками еды и продавцами чая, назойливо предлагавшими свой товар, он не спускал глаз с ее изящной, стройной фигуры. Простоватая прическа совсем не соответствовала тонкому удлиненному лицу с точеными чертами. На лбу ее не было *би́нди*[1], а на руках – перстней и браслетов, но в одном ухе поблескивала серебряная сережка-гвоздик, выделявшаяся на смуглой коже.

Канаи нравилось думать, что искусством как восхищаться женщинами, так и оценивать их он владеет с мастерством подлинного знатока, и его заинтриговала ее манера держаться, необычный силуэт. Ему вдруг пришло в голову, что, возможно, несмотря на серебряную сережку и оттенок кожи, она не индианка, разве что по происхождению. Стоило этой мысли лишь мелькнуть в голове, как он тут же уверился: она иностранка – это просто отпечатано в ее осанке, в том, как она стоит, балансируя с пятки на носок, словно боксер-легковес, слегка расставив ноги. В толпе студенток на калькуттской Парк-стрит она, может, и не выглядела бы неуместной, но здесь, на фоне закопченной пригородной станции Даку́рия, ее изящная андрогинность казалась абсолютно чужеродной, экзотической.

С чего бы юной иностранке стоять на платформе в южной части Колкаты, ожидая поезда до Каннинга? Да, это единственная железнодорожная линия, ведущая к Шу́ндарбу́н[2]. Но, насколько ему известно, туристы ею никогда не пользовались – те немногие, что направлялись в Шундарбун, обычно добирались по воде, нанимая катер или моторку на набережной Калькутты. Поезд был для тех, кто ежедневно ездил из отдаленных деревень в город на работу.

Канаи увидел, как она обернулась спросить что-то у рядом стоящего человека, и его охватило острое желание подслушать. Язык был для Канаи и источником заработка, и зависимостью, и его частенько одолевала неодолимая тяга подслушивать разговоры в общественных местах. Он протолкался сквозь толпу, чтобы оказаться в пределах слышимости, – и как раз вовремя, так как успел уловить последние ее слова: «Поезд до Каннинга?» Кто-то начал объяснять, размахивая рукой. Но говорил человек на бенгали, и она явно ничего не поняла. Она прервала мужчину и извинилась, что не знает бенгали: *А'ми ба́нгла джа́ни на*[3]. Судя по нескладному произношению, это была чистая правда: как любой иностранец, она выучила ровно столько, чтобы суметь сообщить о своем непонимании.

Канаи тоже был «чужаком» на этом перроне и тоже привлекал к себе внимание. Среднего роста, волосы, все еще густые в его сорок два года, начали седеть на висках. В наклоне головы, в том, как он стоял, расставив ноги, ощущалась спокойная основательность, говорившая, что он готов взять на себя главную роль в любой ситуации. На гладком еще лице морщинки разбегались только от уголков глаз, но морщинки эти, следствие живой мимики, скорее подчер-

---

[1] Один из видов сакральных символов, цветная точка на лбу чуть выше бровей. Означает, что женщина исповедует индуизм. – *Здесь и далее примеч. перев.*

[2] Прибрежная низменность в дельте Ганга и Брахмапутры на территории Индии и Бангладеш. В индийской части, в штате Западная Бенгалия, расположен национальный парк Сандарбаны (английский вариант произношения) – биосферный и тигровый заповедник. В романе используется бенгальский вариант названия.

[3] Я не знаю бенгальского *(бенг.)*.

кивали моложавость, чем указывали на зрелость. Некогда Канаи был хрупкого телосложения, однако с годами талия его округлилась, но он по-прежнему держался с непринужденностью и собранностью, выработанной привычкой путешественника жить настоящим моментом.

Так уж случилось, что Канаи взял в поездку небольшой чемодан на колесиках, с выдвижной ручкой. Для лоточников и всевозможных торговцев, впаривавших свои товары по дороге до Каннинга, этот чемоданчик был еще одной характерной деталью положения Канаи, наряду с солнечными очками, вельветовыми брюками и замшевыми туфлями, – прямое указание, что перед ними успешный столичный господин в самом расцвете лет. Как результат, ему то и дело приходилось отбиваться от разносчиков, оборвышей и юных попрошаек, собиравших деньги на самые разные нужды, и от этой назойливой свиты Канаи смог избавиться, лишь когда прибыл желто-зеленый состав.

Забираясь в вагон, он обратил внимание, что иностранка, похоже, путешественница из опытных – два своих увесистых рюкзака она подхватила сама, отпихнув носильщиков, вившихся вокруг нее. В ней чувствовалась сила, не соответствовавшая ее миниатюрности и хрупкости, с явно привычной легкостью она забросила рюкзаки в купе и принялась пробиваться сквозь затор, который образовали суетящиеся в проходе пассажиры. Канаи на миг задумался, не подсказать ли ей, что есть специальное купе для женщин. Но девушку уже унесло внутрь, и он потерял ее из виду.

Потом прозвучал свисток, и Канаи тоже ринулся в толпу. Оказавшись в вагоне, он приметил свободное сиденье и быстренько уселся. Он планировал почитать в дороге, но, вытаскивая бумаги из чемодана, сообразил, что найденное место для этого совсем не годится. Света маловато, да еще справа – женщина с плачущим младенцем, трудно будет сосредоточиться, если придется отбиваться от пары крошечных мечущихся кулачков. Поразмыслив, он понял, что наиболее предпочтительное – слева от него, прямо у окна, но проблема заключалась в том, что оно было занято, сидевший там мужчина был погружен в газету на бенгали. Канаи с минуту изучал читающего – пожилой и с виду кроткий человек, которого вполне можно уболтать.

– *А'ре мошаЙ*[4], могу я обратиться? – Канаи улыбнулся, обрушив на соседа всю мощь своего обаяния. – Если это для вас не слишком важно, не могли бы вы поменяться со мной местами? Мне бы надо поработать, а у окна света побольше.

Читатель газеты изумленно вытаращился на него, и на миг показалось, что он готов возразить. Но, оглядев Канаи, его одежду и прочие детали внешности, мужчина передумал: тип явно с большими связями, может, даже на короткой ноге с полицейскими, политиками и прочими шишками. К чему нарываться на неприятности? И он любезно уступил Канаи место у окна.

Канаи был доволен, что достиг цели без лишних хлопот. Благодарно кивнув соседу, он решил угостить его чашкой чая, когда в следующий раз у окна появится *ча'ала*[5]. Потом залез во внешний карман чемодана и вытащил несколько листов бумаги, покрытых убористым бенгальским шрифтом. Расправил бумаги на коленях и приступил к чтению.

В наших легендах говорится, что богиня Ганга, спускаясь с небес, расколола бы землю, если бы Господь Шива не усмирил ее поток, вплетя его в свои покрытые пеплом пряди. Когда вы слышите эту историю, вы видите реку определенным образом: как небесную косу, своего рода грандиозный водный канат, разворачивающийся по широкой, иссохшей равнине. А вот то, что в этой легенде есть еще один неожиданный поворот, становится очевидно только на заключительных этапах речного путешествия – и эта часть истории всегда оказывается сюрпризом, потому что о ней никогда не рассказывают и, следовательно, никогда не представляют

[4] Послушайте, мистер *(бенг.)*.

[5] Продавец чая.

в воображении. Дело в том, что существует место, в котором коса расплетается, где волосы Господа Шивы распадаются на гигантские растрепанные пряди. Миновав это место, река сбрасывает свои оковы и разделяется на сотни, а может, и тысячи спутанных нитей, свитых друг с другом.

Пока вы не увидите это своими глазами, почти невозможно поверить, что здесь, между морем и равнинами Бенгалии, лежит бескрайний архипелаг островов. Но это так – архипелаг, протянувшийся почти на три сотни километров, от реки Хугли в Западной Бенгалии до берегов Мегны в Бангладеш.

Острова – это нити, тянущиеся из ткани Индии, истрепанный подол ее сари, *ачоль*[6], который волочится за ней следом, намокший от морской воды. Их тысячи, этих островов, одни огромны, другие не больше песчаной отмели; иные существуют на протяжении всей письменной истории, а некоторые были намыты всего год или два назад. Эти острова – возмещение от рек, подношение, посредством которого они возвращают земле то, что взяли у нее, но в такой форме, чтобы утвердить вечное господство над своим даром. Русла рек раскинулись по земле подобно мелкоячеистой сети, создавая ландшафт, где границы между землей и водой вечно подвижны, всегда непредсказуемы. Некоторые из рек – могучие водные пути, такие широкие, что с одного берега не видно другой, но есть и те, что не больше двух-трех километров в длину и всего несколько сотен метров в ширину. Тем не менее каждый из этих протоков – полноправная «река», каждый имеет свое собственное странно звучащее имя. Когда протоки встречаются, они порой образуют группы по четыре, пять или даже шесть, и в местах их слияния вода простирается куда хватает глаз, а лес исчезает, превращаясь в далекий гул земли, доносящийся из-за горизонта. На языке этих мест такое слияние называется *мохо'на*[7] – странное чарующее слово, окутанное множеством слоев соблазна.

Здесь нет границ, отделяющих пресные воды от соленых, реку от моря. Прилив проникает на три сотни километров вглубь суши, и каждый день тысячи акров леса исчезают под водой, несколько часов спустя вновь появляясь на поверхности. Течение настолько мощное, что изменяет карту островов почти ежедневно – иногда вода смывает целые мысы и полуострова, а в другие дни создает новые мели и песчаные отмели там, где их прежде не было.

Когда приливы и отливы порождают новую сушу, буквально на следующий день начинают формироваться мангровые заросли, и при подходящих условиях они могут разрастаться так быстро, что за несколько кратких лет целиком покрывают новый остров. Мангровый лес – сам по себе целая вселенная, совершенно не похожая на обычные леса или джунгли. Здесь нет высоких, увитых лианами деревьев, нет папоротников, нет диких цветов, нет болтливых обезьян и какаду. Листья мангровых деревьев грубые и кожистые, ветви корявые, а листва зачастую непроницаемо плотная. Видимость здесь ограничена, а воздух неподвижен и зловонен. Человеку ни в коем случае не следует сомневаться, что эта местность враждебна к его присутствию, да не усомнится он также в ее хитрости и изобретательности, в решимости уничтожить или изгнать чужака. Каждый год десятки людей гибнут в объятиях этой непроницаемой листвы, убитые тиграми, змеями и крокодилами.

Здесь нет никаких красот, привлекающих путника, и все же по всему миру этот архипелаг известен как «Шундарбун», что означает «прекрасный лес». Некоторые считают, что это слово произошло от названия распространенного вида мангровых деревьев – *шундори*[8], *Heritiera minor*. Но происхождение слова объяснить не проще, чем нынешнюю его широкую распространенность, поскольку в хрониках империи Моголов этот регион назван не в честь дерева, а в честь морских приливов и отливов – *бха́ти*. И для обитателей островов этот край

---

[6] Также *анчал, паллу* – свободный конец сари, который можно набросить на голову и спустить, как шлейф.

[7] Устье; место, где река впадает в море или сливаются несколько рек *(бенг.)*.

[8] Прекрасная, красивая *(бенг.)*.

известен как *бха́тир деш* – страна отлива, – и слово *бхати* имеет отношение не к «приливам и отливам» в целом, но именно к этому конкретному отливу, *бхата*. Это земля, наполовину скрывающаяся под водой во время прилива, ибо, только спадая, вода рождает лес. Глядя на столь дивное родоразрешение, где повитухой луна, понимаешь, почему название «страна отлива» не просто верно, но неизбежно. Ведь как и в случае с сережками Рильке, свисающими с орешника, и весенним дождем над темной землей, мы, созерцая отлив,

> мы, привыкшие мыслить
> Счастье в подъеме, были бы тронуты,
> Были бы поражены,
> Когда падает счастье[9].

[9] Р. М. Рильке, «Дуинские элегии», элегия десятая (перевод В. Микушевича).

Приглашение

В двадцати минутах от Колкаты поезд надолго застрял, и тут по счастливой случайности Пия получила возможность занять место у окна. Сначала она сидела в самой душной части вагона, у прохода, пристроив рюкзаки под ногами. Переместившись к окну, она увидела, что поезд остановился на станции под названием Чампаха́ти. Платформа плавно спускалась к кучке хижин, а дальше погружалась в болото, пенящееся серым илом. Вагон был битком, и Пия не сомневалась, что так и будет до самого Каннинга, ей было странно, что это и есть преддверие Шундарбун – джунгли из лачуг и хибар, жмущиеся к железнодорожным путям.

Тут Пия заметила разносчика чая, расхаживающего по платформе. Она просунула руку через прутья оконной решетки и помахала ему. *Чай,* продававшийся в ее родном Сиэтле, ее никогда не интересовал, но за десять дней, проведенных в Индии, у нее каким-то необъяснимым образом возникла тяга к многократно прокипяченному молочному напитку, который подавали здесь в глиняных чашках. В нем не было специй, и Пии он больше пришелся по вкусу, чем *чай* дома.

Она заплатила за чай и пыталась аккуратно просунуть чашку через решетку, когда мужчина, сидевший напротив, неожиданно перевернул страницу, толкнув ее руку. Пия успела среагировать, и чай выплеснулся за окно, но несколько капель все же угодило на бумаги соседа.

– О, простите ради бога!

Пии стало не по себе – уж если и обливать кого-то горячим чаем, то только не этого человека. Она обратила на него внимание еще на платформе в Колкате, отметила его самодовольный вид и то, как беззастенчиво он разглядывал окружающих, оценивая и явно определяя каждому его место. Позже она наблюдала, с какой высокомерной небрежностью он вытеснил пассажира с его места у окошка. Ей вспомнились некоторые колкатские родственники – они, похоже, тоже полагали, что им дарованы некие привилегии (в силу классового положения или образования?), что ради их комфорта любые мелкие жизненные препятствия и неудобства должны быть устранены.

– Вот. – Пия протянула ему пару салфеток. – Позвольте я вам помогу.

– Ничем тут не поможешь, – брюзгливо проворчал он. – Эти страницы все равно испорчены.

Она вздрогнула, когда он вдруг смял свои бумаги и швырнул их в окно.

– Надеюсь, там ничего важного, – пролепетала она.

– Ничего невосполнимого, просто ксерокопии.

Пия подумала, не указать ли, что это именно он толкнул ее под руку. Но лишь проговорила:

– Мне очень жаль, простите. Надеюсь, вы меня извините.

– А у меня есть выбор? – Тон его был скорее вызывающим, чем ироничным. – Разве в наше время у кого-то есть выбор при встрече с американцами?

Пия не испытывала никакого желания вступать в спор, потому проигнорировала вызов. Вместо этого она широко раскрыла глаза, изображая восторг, и выпалила:

– Но как вы догадались?

– О чем?

– Что я американка? Вы очень наблюдательны.

Кажется, это ему польстило. Он вальяжно откинулся на спинку сиденья.

– Я не угадал. Я *знал*.

– А откуда вы узнали? Дело в моем акценте?

– Да. Я редко ошибаюсь с акцентами. Я, видите ли, переводчик. И считаю, что мой слух настроен распознавать речевые нюансы.

– Да что вы? – Она улыбнулась, зубы ярко блеснули на фоне темного овала лица. – И сколько языков вы знаете?

– Шесть. Не считая диалектов.

– Ух ты! – Теперь ее восхищение было неподдельным. – Боюсь, английский – мой единственный язык. И я не стала бы утверждать, что владею им прекрасно.

Он недоуменно нахмурился:

– И при этом вы направляетесь в Каннинг?

– Да.

– Но, позвольте, если вы совсем не знаете ни бенгали, ни хинди, как вы намерены там ориентироваться?

– Поступлю так же, как обычно, – рассмеялась она. – Буду импровизировать. В любом случае, для моей работы разговоры особенно не нужны.

– И какова же ваша работа, осмелюсь поинтересоваться?

– Я цетолог. Это означает… – начала Пия почти виновато, намереваясь объяснить подробно, но он перебил.

– Я знаю, что это означает, – резко бросил он. – Нет нужды объяснять. Это означает, что вы изучаете морских млекопитающих, верно?

– Да, – кивнула она. – Вы отлично осведомлены. Объект моих исследований – морские млекопитающие: дельфины, киты, дюгони и прочие. Иногда мне приходится проводить целые дни на воде, где поболтать не с кем, – по крайней мере, ни с кем, говорящим по-английски.

– Так это ваша работа привела вас в Каннинг?

– Совершенно верно. Я надеюсь выхлопотать разрешение на изучение морских млекопитающих Шундарбун.

На этот раз он умолк. Впрочем, ненадолго.

– Я крайне удивлен, – произнес он. – Я даже не знал, что они там водятся.

– О да. Или, во всяком случае, водились. И очень много.

– Правда? А мы слышим только о тиграх и крокодилах.

– Знаю. Популяция китообразных словно исчезла в никуда. Никто не знает почему. Оттого что вымерли или оттого что их никто не изучает. Никогда не проводилось исследований такого рода.

– А отчего так?

– Может, потому что невозможно получить разрешение? В прошлом году туда отправилась целая команда. Они готовились много месяцев, переслали все нужные документы и прочее. Но даже не смогли выйти на воду. Их разрешения отозвали в последний момент.

– А вам должно повезти больше?

– Легче проскользнуть сквозь сеть, если ты сам по себе. – И после короткой паузы добавила с натянутой улыбкой: – Кроме того, у меня есть дядя в Калькутте, большая шишка в правительстве. Он поговорил с кем-то из Лесного департамента в Каннинге. Так что я пока скрестила пальцы.

– Понятно. – На него, похоже, произвели впечатление и ее откровенность, и ее предусмотрительность. – То есть у вас есть родственники в Калькутте?

– Да. Вообще-то я и сама там родилась, хотя родители уехали оттуда, когда мне исполнился всего год. – Она бросила на него испытующий взгляд, чуть приподняв бровь. – Я заметила, вы все время говорите «Калькутта». Как мой отец.

Канаи кивком признал ее замечание.

– Вы правы, мне следует быть внимательнее, но переименование произошло так недавно, что я порой путаюсь. Стараюсь использовать «Калькутта» для прошлого, а «Колката» для настоящего, но время от времени сбиваюсь. Особенно когда говорю по-английски. – Он улыбнулся и протянул руку: – Мне следует представиться: Канаи Датт.

– Пияли Рой, но все зовут меня просто Пия.

Его определенно удивило ее бенгальское имя, незнание языка явно создало у него впечатление, что ее семейные корни относятся к какой-то другой части Индии.

– У вас бенгальское имя, – вопросительно приподнял он бровь в свою очередь. – И вы не знаете бангла?

– Это не совсем моя вина, – торопливо ответила Пия, как будто защищаясь. – Я выросла в Сиэтле. А из Индии уехала совсем ребенком и не имела возможности освоить язык.

– По такой логике я, выросший в Калькутте, не должен бы говорить на английском.

– Кроме того, мне совсем не даются языки… – Она не стала продолжать, оставив фразу незаконченной, а потом сменила тему: – А что привело в Каннинг *вас,* господин Датт?

– Канаи – зовите меня Канаи.

– Ка-най.

Он поспешил поправить, когда она запнулась с произношением:

– Произносите как будто в рифму с Гавайи.

– Кана́и?

– Да, правильно. И, отвечая на ваш вопрос – я еду проведать тетушку.

– Она живет в Каннинге?

– Нет. Она живет в месте под названием Лусибари. Это довольно далеко от Каннинга.

– А где именно? – Пия расстегнула молнию на кармашке рюкзака и вытащила карту. – Покажите. Вот здесь.

Канаи расправил карту и принялся водить пальцем по извилистым линиям каналов и проток.

– Каннинг – это конечная станция Шундарбун, а Лусибари – самый дальний из обитаемых островов. Это вверх по реке, нужно миновать Аннпур, Джеймспур и Эмилибари. И вот он – Луси-бари.

Пия наморщила лоб, вглядываясь в карту.

– Какие странные названия.

– Вы удивитесь, сколько мест в Шундарбун имеют названия английского происхождения. Лусибари означает просто «Дом Люси».

– «Дом Люси»? – изумленно вскинула голову Пия. – От имени Люси?

– Да. – Глаза Канаи блеснули. – Вы должны побывать там. И я расскажу вам, откуда взялось это название.

– Это приглашение? – улыбнулась Пия.

– Безусловно. Приезжайте. Я вас приглашаю. Ваше общество облегчит бремя моего изгнания.

Пия рассмеялась. Сначала она думала, что Канаи чересчур поглощен собой, но теперь склонна была проявить великодушие: она уловила проблеск иронии, из-за которой его эгоцентризм становился чуть более интересным, чем ей показалось вначале.

– Но как я вас найду? – спросила она. – И где искать?

– Просто приходите в больницу в Лусибари, – сказал Канаи. – И спросите Машиму. Вас отведут к моей тетушке, а она будет знать, где я.

– Машима? – удивилась Пия. – Но у меня тоже есть «Машима» – разве это не значит просто «тетушка»? Там ведь должно быть больше тетушек, чем одна, ваша тетя вряд ли может быть единственной?

– Если вы спросите в больнице Машиму, – ответил Канаи, – каждый поймет, кого вы имеете в виду. Видите ли, ее основала моя тетя, и она же возглавляет организацию, которая управляет больницей, – Фонд Бадабон. Тетушка видная фигура на острове, и все зовут ее Машима, хотя на самом деле ее зовут Нили́ма Боус. Они с мужем та еще парочка. Его люди всегда звали Саар – так же, как ее зовут Машима.

– Саар? А это что значит?

Канаи расхохотался.

– Это просто «сэр», как его произносят на бангла. Он был директором местной школы, поэтому все ученики звали его «сэр». Со временем люди забыли его настоящее имя – Нирмóл Боус.

– Вы говорите о нем в прошедшем времени.

– Да. Он давно умер. – Однако, едва произнеся эти слова, Канаи скривился, словно отрицая их. – Но, по правде говоря, я не чувствую, что его больше нет на свете.

– В каком смысле?

– Потому что он восстал из пепла, дабы призвать меня к ответу, – улыбнулся Канаи. – Понимаете, перед смертью он оставил мне кое-какие бумаги. Долгие годы они считались потерянными, но теперь вновь объявились. Вот почему я туда еду – тетя хочет, чтобы я взглянул на них.

Уловив в голосе нотку сожаления, Пия осторожно заметила:

– Звучит так, словно вы не слишком туда стремитесь.

– Нет, если уж начистоту. Дел полно, а сейчас особенно напряженное время. Было нелегко выкроить неделю.

– То есть вы едете туда впервые? – удивилась Пия.

– Не совсем, меня уже однажды отправляли туда, много лет назад.

– Отправляли? Как это?

– В этой истории есть слова «временно исключен», – с улыбкой произнес Канаи. – Знаете такое?

– Нет. Пожалуй, нет.

– Было такое наказание для школьников, за плохое поведение. Их отправляли томиться в обществе деревенских жителей. Мальчишкой я придерживался мнения, что знаю обо всем гораздо больше, чем мои учителя. И вот однажды я публично унизил учителя, который имел несчастную привычку произносить слово «лев» не совсем внятно, так что звучало почти как «хлев». Мне тогда было лет десять. Одно потянуло за собой другое, и в итоге наставники убедили моих родителей на время забрать меня из школы. Меня отправили к тете и дяде, в Лусибари. – Канаи усмехнулся. – Это было очень давно, в семидесятом.

Поезд начал замедлять ход, внезапный гудок паровоза прервал Канаи. Выглянув в окно, он увидел желтую вывеску с надписью «Каннинг».

– Мы на месте. – Ему, кажется, было жаль, что беседа подошла к концу. Оторвав листок бумаги, Канаи написал несколько слов и сунул ей в руку: – Вот – это поможет запомнить, где меня искать.

Поезд остановился, и люди хлынули к дверям. Поднявшись на ноги, Пия забросила рюкзаки за спину.

– Может, мы еще встретимся.

– Надеюсь. – Он помахал на прощанье. – Будьте осторожны с людоедами.

– Берегите себя. До свидания.

Каннинг

Канаи с любопытством смотрел вслед Пии, пока та не скрылась в толпе на платформе. Не будучи женатым, он, однако, как сам любил говорить, редко бывал одинок, за многие годы женщины то появлялись в его жизни, то исчезали из нее. Чаще всего эти отношения заканчивались – или продолжались – в духе нежной привязанности. Впрочем, самые последние, с известной юной танцовщицей Одисси, завершились неудачно. Две недели назад она пулей вылетела из его дома и запретила впредь звонить ей. Канаи не принимал это всерьез, пока не набрал ее номер и не обнаружил, что она отдала свой телефон шоферу. Это нанесло чувствительный удар его гордости, вследствие чего он попытался завязать короткий роман, который мог бы залечить рану, нанесенную его тщеславию, – иными словами, искал (безуспешно) любовную связь, начало и конец которой определил бы он сам. Направляясь в Лусибари, Канаи смирился с мыслью, что придется ненадолго прервать поиски, но если жизнь и научила его чему-то, то именно тому, что возможности зачастую возникают непредсказуемо. Пия, похоже, была как раз таким случаем. Нечасто складывается настолько идеальная ситуация: отъезд, предстоящий уже через девять дней, гарантировал ему побег. Если Пия решит воспользоваться его приглашением, почему бы не получить все возможные удовольствия, которые это сулит?

Канаи подождал, пока толпа немного рассеется, прежде чем выйти на платформу. Затем, поставив чемодан у ног, он помедлил, неспешно окидывая взором станцию.

Заканчивался ноябрь, воздух был свеж и прохладен – мягкий ветерок, ласковое солнце. Однако станция своим унылым видом напоминала затрапезный и обшарпанный городской парк с вытоптанной травой, где почва утрамбована под торопливо бегущими ногами, – рельсы поблескивали под слоями дерьма, мочи и отходов, а платформа выглядела так, словно давно вдавлена в землю тяжестью проезжающего транспорта.

Прошло больше тридцати лет с тех пор, как он впервые ступил на эту станцию, но он до сих пор живо помнил изумление, с которым заявил дяде с тетей: «Но здесь так много людей!»

Нирмол тогда улыбнулся: «А чего ты ожидал? Джунгли?»

«Ну да».

«Знаешь, это только в кино бывают безлюдные джунгли. Здесь есть места, где толпа не меньше, чем на базаре в Колкате. А на некоторых реках лодок больше, чем грузовиков на Уттарапата»[10].

Из всех своих достоинств Канаи больше всего гордился своей памятью. Когда его превозносили за лингвистический дар, он обычно отвечал, что для изучения языка нужны только хороший слух и хорошая память и ему посчастливилось обладать обоими качествами. Сейчас он испытывал приятное чувство удовлетворения при мысли, что до сих пор может вспомнить тембр и звук голоса Нирмола, несмотря на десятилетия, прошедшие с того дня, как он слышал его в последний раз.

Канаи улыбнулся, припоминая свою последнюю встречу с Нирмолом, в конце 1970-х, когда Канаи был студентом колледжа в Калькутте. Он торопился на лекцию и, пробегая мимо лотков со старыми книгами, стоящими на университетских аллеях, врезался в кого-то, разглядывавшего книгу у прилавка. Книга взмыла в воздух и приземлилась в лужу. Канаи уже собрался было обругать человека, на которого натолкнулся («*Бо'качо'да!*[11] Что торчишь тут у меня на дороге?»), когда узнал широко раскрытые глаза дяди, удивленно моргавшие за стеклами очков в толстой оправе.

---

[10] Великая магистраль, одна из старейших дорог в мире, которая проходит через Бангладеш, Индию, Пакистан и Афганистан.

[11] Очень грубое бенгальское ругательство, абсолютно недопустимое в приличном обществе.

– Канаи? Это ты?

– *Аре туми!*[12] – Склоняясь, чтобы коснуться стоп дяди, Канаи попутно подхватил книгу, оброненную Нирмолом. Взгляд упал на поврежденный теперь корешок, это был перевод «Путешествия в империю Моголов» Франсуа Бернье.

Продавец меж тем начал орать:

– Ты должен заплатить – это дорогая книга, теперь она испорчена.

Взгляд на растерянное лицо дяди подсказал Канаи, что у того нет денег на книгу. Так случилось, что Канаи как раз заплатили за статью в газете. Канаи плавным движением извлек из кармана бумажник, расплатился с торговцем и вручил дяде книгу. Затем, предупреждая неловкие изъявления благодарности, пробормотал:

– Я опаздываю, нужно бежать, – и умчался, перепрыгнув через лужу.

С тех пор он много лет представлял, что когда в следующий раз столкнется с Нирмолом, все будет точно так же – Нирмол будет стоять в книжной лавке, мечтая о книге, которую не может себе позволить, и тут он, Канаи, потихоньку сунет руку в карман и купит дяде книгу. Но вышло иначе: через два года после той случайной встречи Нирмол умер в Лусибари, после долгой болезни. Нилима тогда рассказала Канаи, что дядя вспоминал его на смертном одре, бормотал про какие-то записи, которые хотел ему передать. Но Нирмол уже много месяцев заговаривался, и Нилима не могла понять, как относиться к его словам. После его смерти она все обыскала, просто на всякий случай. Ничего не нашлось, поэтому она решила, что Нирмол просто бредил, как частенько с ним случалось.

А однажды утром, два месяца назад, Нилима позвонила Канаи в его квартиру в Нью-Дели, в Читтаранджан-парк, она была в Госабе, городке возле Лусибари, звонила из телефонной будки. Канаи сидел за столом, ждал, пока кухарка принесет завтрак, когда затрезвонил телефон.

– *Канаи-ре?*

Последовал обмен обычными приветствиями и вежливые расспросы, но он уловил странные напряженные нотки в тетином голосе.

– Что-то случилось? – встревожился он. – Ты звонишь не просто так?

– Вообще-то, да, – чуть смущенно призналась тетушка.

– В чем дело? Рассказывай.

– Думаю, было бы хорошо, если бы ты приехал в Лусибари, Канаи. Сможешь?

Канаи растерялся. У Нилимы не было своих детей, и так получилось, что он остался ее ближайшим родственником, хотя не мог припомнить случая, когда бы тетя обратилась с подобной просьбой. Она всегда была чрезвычайно самостоятельна, и не в ее характере было просить об одолжении.

– Почему ты хочешь, чтобы я приехал в Лусибари? – удивленно спросил Канаи.

В телефонной трубке на некоторое время повисла тишина, но затем тетя продолжила:

– Помнишь, Канаи, много лет назад я сказала, что Нирмол оставил для тебя какие-то записи?

– Да, – подтвердил Канаи. – Конечно, помню. Но их ведь так и не нашли, верно?

– В том-то и дело, – вздохнула Нилима. – Кажется, я их обнаружила – конверт, адресованный тебе.

– Где?

– В кабинете Нирмола, на крыше здания, где я живу, над хостелом нашего фонда. Все эти годы после его смерти кабинет был заперт. Но пришло время его снести, поскольку нам нужно надстроить еще один этаж. Я прибиралась там и вот тогда и нашла конверт.

– И что было внутри?

[12] Приветствую вас! *(бенг.)*.

– Должно быть, эссе и стихи, которые он написал за многие годы. Но, откровенно говоря, точно сказать не могу. Я не распечатала конверт, потому что знаю – дядя хотел, чтобы ты первым увидел его бумаги. Он никогда не доверял моему литературному вкусу – и я в самом деле не очень хорошо разбираюсь в такого рода вещах. Поэтому надеюсь, что ты сможешь приехать. Возможно, ты даже смог бы опубликовать их. Ты же знаком с издателями, правда?

– Ну да, – смутился Канаи. – Но вот приехать в Лусибари… Это ведь ужасно далеко, от Нью-Дели добираться целых два дня. В смысле, я, конечно, с радостью бы, но…

– Я была бы очень признательна, Канаи.

Это было сказано спокойным, но твердым голосом, который Нилима использовала, когда решительно была намерена добиться своего. Канаи понял, что она настроена серьезно и легко ему не отделаться. В их семье Нилима была известна своей легендарной настойчивостью – именно ее упорство и решительность превратили Фонд Бадабон в то, чем он является, – в образец, по всеобщему признанию, для некоммерческих организаций, работающих в сельской местности в Индии.

Канаи предпринял еще одну попытку увильнуть:

– А ты не можешь послать конверт почтой?

– Я не могу доверить подобные вещи почте. – Тетушка не сумела скрыть, что шокирована таким предложением. – Кто знает, что может случиться?

– Просто сейчас очень напряженное время, – пробормотал Канаи. – У меня столько дел.

– Но, Канаи, у тебя всегда напряженное время.

– Это верно.

Канаи был основателем и руководителем маленького, но процветающего бизнеса. Он возглавлял переводческое бюро, которое специализировалось на обслуживании экспатов в Нью-Дели: иностранные дипломаты, сотрудники гуманитарных и благотворительных организаций, международные компании и тому подобное. Поскольку это была единственная в городе контора подобного рода, услуги агентства Канаи были чрезвычайно востребованы. Это означало, что все его сотрудники были перегружены работой – и в первую очередь сам Канаи.

– Итак, ты приедешь? – уточнила тетя. – Четыре года ты твердишь, что навестишь меня, но так ни разу и не появился. А я не молодею.

Он уловил молящие нотки в голосе и осадил свой порыв отделаться от тетушки. Он всегда любил Нилиму, и привязанность лишь стала сильнее после смерти его матери, на которую Машима была очень похожа – если не характером, то внешностью. Его восхищение тетей было искренним: создавая собственный бизнес, он по-новому оценил, чего стоит наладить и поддерживать работу такой организации, как у нее, – особенно учитывая, что, в отличие от его агентства, фонд тетушки работал не для прибыли. Еще со времени своего первого визита Канаи помнил ужасающую нищету страны отливов, и ему казалось одновременно необъяснимым и замечательным, что тетя решила посвятить свою жизнь работе на благо людей, живших там. Нельзя сказать, что ее труды остались неоцененными, – годом раньше президент отметил ее одной из высших наград страны. Но Канаи все равно поражало, что человек с ее прошлым продержался в Лусибари так долго, – из рассказов матери он знал, что они происходили из семьи, отличавшейся привязанностью к мирским благам. А в Лусибари, как ему было известно по опыту, с комфортом и удобствами туго.

Канаи всегда расхваливал Нилиму перед своими друзьями как человека, который многое принес в жертву общественным интересам, как отголосок прежней эпохи, когда люди со средствами и образованием были менее ограниченны, менее эгоистичны, чем сейчас. Из-за всего этого невозможно было взять и отказать Нилиме в ее простой просьбе.

– Ну, если ты хочешь, чтобы я приехал, так тому и быть. Я постараюсь – может, дней на десять. Хочешь, чтобы я выехал немедленно?

– Нет-нет, – торопливо ответила Нилима. – Необязательно прямо сразу.

– Тогда это немного проще, – с облегчением произнес Канаи.

Его бурные, но обременительные отношения с танцовщицей Одисси в тот момент еще развивались в интересном направлении. Прервать естественную траекторию этих отношений было бы слишком большой жертвой, и он был рад, что не придется подвергать себя подобному испытанию.

– Приеду через пару месяцев. Дам знать, как только все устрою.

– Я буду ждать.

И вот она, Нилима, сидит на лавочке в тенистом уголке перрона, потягивает чай, окруженная плотной толпой, кто-то пытается добиться ее внимания, а ее свита столь же упорно пытается оттеснить просителей. Канаи приблизился к толпе, прислушался. Кто-то просил о работе, а кто-то – будущие политики, должно быть, – надеялся заручиться ее поддержкой. Но в основном вокруг тетушки столпились ее искренние и преданные поклонники, которые стремились всего лишь взглянуть на Нилиму, погреться в ее благодетельном сиянии.

В свои семьдесят шесть Нилима Боус стала почти круглой, лицо ее в неглубоких ямочках чем-то напоминало луну. Голос у нее был мягкий и чуть хрипловатый, словно звук, извлеченный из треснувшей бамбуковой щепки. Роста она была невысокого, а волосы, собранные в узел на затылке, лишь чуточку тронула седина. Нилима предпочитала носить сари, сотканные и сшитые в мастерских Фонда Бадабон, – хлопковые, с тончайшей каймой, выполненной батиком. Именно в таком простом белом вдовьем сари, изысканно отороченном черной каймой, она пришла на станцию встречать Канаи.

Обычно Нилима держалась сдержанно, если не сказать кротко. Однако, когда того требовали обстоятельства, она способна была и раздавать категорические распоряжения, и требовать беспрекословного подчинения, и мало кто осмелился бы перечить ей, поскольку было хорошо известно, что Машима, как многие заботливые матери, может быть столь же изобретательна в возмездии, как и в раздаче благословений. И теперь при виде Канаи ей потребовалось лишь щелкнуть пальцами, чтобы люди, сгрудившиеся вокруг, мгновенно умолкли. Толпа расступилась, пропуская Канаи.

– Канаи! – воскликнула Нилима. – Куда ты запропастился? – Тетушка провела ладонью по его голове, когда он склонился к ее стопам. – Я уж начала думать, что ты опоздал на поезд.

– Я приехал.

Нилима выглядела куда более немощной, чем помнил Канаи, и он приобнял ее, помогая подняться. Люди из ее свиты подхватили багаж Канаи, а он, придерживая тетушку под руку, повел ее к выходу со станции.

– Тебе не следовало беспокоиться и приезжать сюда, – пожурил он. – Я и сам нашел бы дорогу в Лусибари.

Это была вежливая ложь, Канаи совершенно не представлял, как он доберется в Лусибари. Более того, он был бы крайне раздражен, если бы в Каннинге ему пришлось полагаться только на себя.

Но Нилима приняла его слова за чистую монету.

– Но я хотела приехать, – возразила она. – Так приятно хоть иногда выбраться из Лусибари. Ладно, расскажи, как ты добрался? Надеюсь, не скучал в поезде.

– Нет, вовсе нет. На самом деле я встретил интересную молодую женщину. Американку.

– О? – удивилась Нилима. – И что она здесь делает?

– Изучает дельфинов и им подобных. Я пригласил ее к нам в Лусибари.

– Прекрасно. Надеюсь, она приедет.

– Да, я тоже надеюсь.

Нилима внезапно остановилась и вцепилась в локоть Канаи.

– Я отправила тебе несколько страниц, написанных Нирмолом, – взволнованно сказала она. – Ты их получил?

– Да, – кивнул он. – Я читал их в дороге, в поезде. Это из того самого конверта?

– Нет-нет. Это он написал давным-давно. Был период, когда он впал в такую депрессию, что, думаю, ему нужно было что-то, чтобы поддержать себя. И я попросила его написать что-нибудь о Шундарбун. Я надеялась использовать эти тексты в наших брошюрах, но они не подошли. Но я подумала, что тебя это могло бы заинтересовать.

– А, – вздохнул Канаи. – А я почему-то решил, что это часть того, что он завещал мне.

– Нет. Что в том конверте, я не ведаю, он запечатан. Я знаю, Нирмол хотел, чтобы ты первым это увидел. Он так и сказал, прямо перед самой кончиной.

– И тебе не было любопытно? – спросил Канаи.

Нилима помотала головой.

– Когда доживешь до моих лет, Канаи, – сказала она, – поймешь, что нелегко иметь дело с тем, что напоминает о дорогих людях, которые ушли и оставили тебя одного. Потому я и хотела, чтобы ты приехал.

Они вышли на пыльную улицу, где лотки с едой и *па'аном*[13] теснились среди крошечных лавчонок.

– Канаи, как я рада, что ты наконец здесь, – сказала Нилима. – Но одного я не могу понять.

– Чего?

– Почему ты настаивал, что поедешь через Каннинг? Было бы гораздо проще добираться через Басанти. Сейчас никто уже не ездит этим путем.

– Правда? А почему?

– Из-за реки. Она изменилась.

– Как это?

– Погоди. – Нилима подняла на него взгляд. – Скоро увидишь.

«На берегах каждой великой реки вы найдете памятник человеческой неумеренности».

Канаи вспомнил список примеров, которые отыскал Нирмол в подтверждение этого тезиса: здание оперы в Манаусе, храм в Карнаке, десять тысяч пагод Пагана. За прошедшие годы Канаи посетил многие из этих мест и рассмеялся при мысли, что дядя настаивал, будто Каннинг тоже следует внести в этот список: «Величественный памятник на реке Матла – порт Каннинг».

Базары в Каннинге остались такими же, как он помнил, – путаница из узких переулков, тесных лавок и почерневших от плесени построек. И множество лотков, где продавались патентованные лекарства от невралгии и диспепсии – концентрированная бурда с названиями вроде «Хаджмозин» и «Дардоцитин»[14]. Единственными примечательными зданиями были кинотеатры – неуклюжие и непомерно громадные, они высились над городом, как мешки с песком, словно предохраняя от опасности быть смытым водой.

Базары заканчивались дамбой, которая вела от города к реке Матла. Довольно длинная, дамба, однако, обрывалась, не доходя до реки, и, добравшись до конца ее, Канаи увидел, что имела в виду Нилима, когда сказала, что река изменилась. Он помнил Матлу как обширный водный путь, одну из самых грандиозных рек, что он видел. Но сейчас был отлив, и река превратилась в узкую канаву посередине русла шириной в километр. Отложения ила блестели на солнце, будто дюны из растопленного шоколада. Время от времени из илистых недр поднимались пузыри воздуха и прорывались наружу, оставляя круги на глянцевой поверхности. Издаваемые при этом звуки казались почти членораздельными, словно то был голос самих земных глубин.

– Взгляни туда. – Нилима указала на лодку ниже по течению, которая ползла по остаткам реки.

---

[13] Бетель или специи, завернутые в лист бетеля, который в Индии жуют после еды.

[14] Суррогаты популярных в Индии препаратов «Хаджмола» и «Дард».

Хотя длина судна не превышала девяти метров, оно перевозило около сотни пассажиров и было до того нагружено, что вода плескалась сантиметрах в пятнадцати от планшира. Лодка остановилась, и пара матросов, выдвинув длинные сходни, бросили их прямо в ил.

Канаи замер, не веря глазам. Что сейчас будет? Как пассажиры переберутся через огромное пространство бурлящей грязи?

А на лодке уже шла подготовка к переправе. Женщины подбирали сари, а мужчины закатывали *лу́нги*[15] и штаны. При сходе с трапа наступал долгий томительный момент, в течение которого человек медленно погружался в ил, как ложка, тонущая в миске с очень густым *да́ло-м*[16]; только когда ил доходил до бедер, погружение останавливалось и начиналось движение вперед. Ноги скрывались полностью, над илом торчал лишь извивающийся от усилий торс человека.

Нилима нахмурилась, глядя на мужчин и женщин, барахтавшихся в грязи.

– У меня от одного взгляда на это колени разболелись, – сказала она. – Раньше и я была на такое способна, но теперь уже нет, для моих ног это чересчур. В этом-то и проблема, видишь: в реке гораздо меньше воды, а во время отлива она становится совсем мелкой. Мы взяли катер фонда, чтобы доставил тебя в Лусибари, но пройдет не меньше двух часов, прежде чем он сможет добраться сюда и забрать нас. – Она бросила обвиняющий взгляд на Канаи: – Было бы гораздо проще, если бы ты приехал через Басанти.

– Я не знал, – уныло протянул Канаи. – Тебе следовало подсказать мне. Я поехал через Каннинг только по той причине, что именно этим путем вы привезли меня в Лусибари тогда, в семидесятом.

Оглядываясь по сторонам и любуясь видами, Канаи живо представил силуэт Нирмола на фоне неба. Нирмол напомнил ему тогда длинноногую водоплавающую птицу – может, цаплю или аиста. Впечатление усиливала его одежда и зонт: свободные белые складки развевались на ветру, как мантия из птичьих перьев, а форма *ча́тта*[17] напоминала длинный острый клюв.

– Я помню, как он стоял здесь, пока мы ждали лодку.

– Нирмол?

– Да. В своем обычном белом *дхо́ти-пенджа́би*[18], а в руках у него был зонтик.

Нилима сжала его локоть.

– Перестань, Канаи. Не говори об этом. Я не в силах вынести.

Канаи осекся.

– Для тебя это до сих пор болезненно? После стольких лет?

Нилима поежилась:

– Просто само это место – здесь его нашли, ты же знаешь. Прямо тут, на дамбе в Каннинге. После этого он прожил всего пару месяцев. Он, должно быть, попал под дождь, потому и подхватил пневмонию.

– Я не знал, – признался Канаи. – А что его понесло в Каннинг?

– Я до сих пор гадаю. Он стал совершенно непредсказуемым, как бывало с ним в состоянии стресса. Несколькими месяцами раньше он ушел с поста директора школы и очень изменился. Исчезал, не сказав ни слова. Это было примерно во время событий на Мо́риджа́пи, и я места себе не находила от беспокойства.

– А в чем там было дело? – спросил Канаи. – Я не слишком хорошо помню.

– Беженцы заняли один из островов в джунглях, – начала рассказывать Нилима. – Случился конфликт с властями, который привел к вспышке насилия. Правительство хотело заста-

[15] Мужская одежда: полоса ткани, обернутая вокруг талии.

[16] Чечевица и похлебка из чечевицы.

[17] Зонт *(бенг.)*.

[18] Дхоти – длинное несшитое полотнище ткани, обертываемое вокруг ног и талии; пенджаби – длинная свободная рубаха.

вить беженцев вернуться в специальные лагеря в Центральной Индии. Их затолкали в грузовики и автобусы и увезли. Меж тем весь департамент бурлил от слухов. Я страшно переживала, что может случиться с Нирмолом, если его найдут бродящим там в одиночку, его вполне могли силой усадить в автобус и увезти отсюда.

– Так и произошло?

– Это только мои подозрения, – сказала Нилима. – Но, наверное, кто-то его узнал и где-то выпустил. Он сумел вернуться в Каннинг – там его и нашли, прямо на дамбе.

– Ты не спросила его, где он был?

– Ну конечно, спросила, Канаи. Но к тому моменту он был не в состоянии отвечать разумно, от него невозможно было добиться никаких объяснений. Единственный миг просветления случился, когда он упомянул о конверте, оставленном для тебя. Я подумала, что он опять бредит, однако, как выяснилось, вовсе нет.

Канаи обнял тетю за плечи:

– Тебе, наверное, было очень тяжело.

Нилима смахнула слезы.

– Я до сих пор помню, как пришла сюда за ним. Он стоял и кричал: «Матла поднимется! Матла поднимется!» Вся одежда в грязи, и лицо измазано грязью. Не могу избавиться от этой картины.

В голове Канаи зашевелились давно забытые воспоминания.

– «Матла поднимется». Так ведь он говорил? Должно быть, думал о той истории, которую рассказывал раньше.

– Что за история? – настроженно спросила Нилима.

– Ты не помнишь? Про вице-короля, который построил этот порт, и про мистера Пиддингтона, человека, который изобрел слово «циклон», и как он предсказал, что Матла поднимется и затопит Каннинг.

– Прекрати! – Нилима закрыла уши ладонями. – Прошу, не говори об этом, Канаи. Я не могу об этом вспоминать. Потому и хотела, чтобы ты разобрался с этими его бумагами. У меня просто не хватит сил.

– Ну конечно, – примирительно проговорил Канаи. – Я понимаю, как тебе тяжело. Больше не буду об этом.

А потом Канаи вспомнил, что тогда на дамбе тоже пришлось долго ждать. Не из-за отлива или ила, а просто потому, что не хватало лодок, плывущих в ту сторону. Они с Нилимой сели возле лотка с чаем, а Нирмола отправили на дамбу, высматривать лодку.

Нирмол не слишком рьяно отнесся к своим обязанностям. В свой последний визит в книжный магазин в Калькутте он купил «Дуинские элегии» Райнера Марии Рильке в переводе на бангла – с переводчиком, поэтом Буддхадебом Бошу, он был знаком. И все то время, что должен был следить за лодками, Нирмол постоянно возвращался мыслями к своему приобретению. Из страха перед Нилимой он не решался раскрыть книгу, но держал ее у груди и при каждой возможности украдкой заглядывал в нее.

К счастью, им не пришлось зависеть от Нирмола в поисках лодки.

– *Аре,* Машима! Это вы? – Прежде чем они успели обернуться, какой-то юноша подбежал коснуться стоп Нилимы.

– Хорен? – Нилима пристально вглядывалась в его лицо. – Хорен Наскóр? Это ты?

– Да, Машима, это я. – Коренастый и очень мускулистый парень с широким плоским лицом и постоянно прищуренными от солнца глазами был одет в потертую лунги и заляпанную грязью майку.

– Что ты делаешь в Каннинге, Хорен? – удивилась Нилима.

– *Джонго'л ко'рте геслáм*[19], я вчера «делал джунгли», Машима, и Бон Би́би даровала мне меда на целые две бутылки. Я пришел продать их.

Канаи мало что понял и прошептал на ухо Нилиме:

– Кто это – Бон Биби?

– Лесная богиня, – также шепотом ответила Нилима. – В этих краях люди верят, что она правит всеми животными в джунглях.

– О? – Канаи поразился, что взрослый сильный мужчина может верить в такую ерунду. И не смог сдержать веселое фырканье.

– Канаи! – тут же одернула его Нилима. – Нечего вести себя так, будто ты все знаешь. Ты не в Калькутте.

Смех Канаи привлек внимание Хорена, парню пришлось чуть нагнуться, чтобы оказаться лицом к лицу с ним.

– А кто это, Машима?

– Мой племянник, сын сестры, – пояснила Нилима. – У него в школе случились неприятности, и родители отправили его сюда, чтобы преподать урок.

– Вам нужно отправить его ко мне, Машима, – с улыбкой сказал Хорен. – У меня трое детей, и старший немногим моложе него. Я знаю, что нужно делать, чтобы преподать урок мальчику.

– Слыхал, Канаи? – повернулась к нему тетя. – Вот что я сделаю, если будешь говорить глупости, – отправлю жить к Хорену.

Эта перспектива мгновенно стерла улыбку с лица Канаи. Он испытал огромное облегчение, когда Хорен отвернулся от него, чтобы подхватить багаж Нилимы.

– А вы, Машима, ждете лодку?

– Да, Хорен. Давно уже тут сидим.

– Не надо больше сидеть, Машима. – Хорен взвалил на плечо одну из ее сумок. – У меня здесь лодка, я отвезу вас всех домой.

– Но это же не по пути, Хорен? – робко возразила было Нилима.

– Недалеко, – ответил Хорен. – И вы столько сделали для Кушум. Почему я не могу помочь? Просто ждите здесь – я приведу лодку.

С этими словами он убежал. Когда Хорен уже не мог их услышать, Канаи спросил у Нилимы:

– Кто этот человек? И о чем он говорил? Кто такая Кушум?

Хорен – рыбак, рассказала Нилима, он живет на острове под названием Шатджелиа, недалеко от Лусибари. Он моложе, чем кажется на вид, ему, наверное, чуть за двадцать, но, как и многие юноши страны приливов, он рано женился – лет в четырнадцать. Поэтому сейчас он уже отец троих детей.

А что касается Кушум, это девушка из его деревни, пятнадцати лет, он устроил ее под опеку Женского союза Лусибари. Ее отец погиб, собирая хворост на продажу, а мать, оставшись без средств к существованию, вынуждена была искать работу в городе.

– Одной ей жить небезопасно, – объяснила Нилима. – Разные люди пытались ею воспользоваться. Один даже попытался ее продать. Если бы Хорен не спас девочку, кто знает, что могло случиться?

Это заинтересовало Канаи.

– А что? Что могло случиться?

Глаза Нилимы стали печальны, как бывало, когда ей напоминали о тех недугах мира, которые она бессильна была исцелить.

---

[19] Простонародная форма фразы «Занимался работой в джунглях» *(бенг.)*.

– Ее могли силой вынудить потерять самоуважение и честь, это часто случается с бедными девушками, оказавшимися в таком положении.

– Как это? – При всей своей искушенности Канаи не мог разгадать точный смысл эвфемизмов Нилимы, однако понял достаточно, чтобы дыхание его участилось. – И где теперь эта девушка? – спросил он.

– В Лусибари. Ты познакомишься с ней. Наш Женский союз все еще заботится о ней.

Разговор закончился, вспомнил сейчас Канаи, когда он взбежал на дамбу и встал рядом с Нирмолом. Окидывая нетерпеливым взглядом реку, он высматривал лодку Хорена. Вплоть до того момента предстоящая поездка в Лусибари не вызывала ничего, кроме тоски и досады, но теперь возможная встреча с этой Кушум пробудила интерес.

Начало

В глубине базара Каннинга Пия остановилась у ворот конторы Лесного департамента. В силу особенностей своей работы она за многие годы волей-неволей познакомилась с бюрократической системой лесного и рыбного хозяйства. Она ожидала увидеть мрачноватый бюрократический улей и оторопела, обнаружив небольшое, ярко раскрашенное бунгало. Но все равно, прежде чем войти, она собралась с духом, готовясь к тому, что день предстоит долгий.

Однако реальность оказалась не столь мрачной, как она опасалась. Ей действительно пришлось целый час ждать, прежде чем удалось преодолеть первого привратника, но как только она оказалась внутри, дело пошло неожиданно быстро. Благодаря влиятельному дяде ее сразу провели к утомленному, но услужливому старшему смотрителю. После вежливого обмена приветствиями Пию передали на попечение подчиненного, который повел ее по коридорам, мимо отгороженных кабинок все уменьшающегося размера. Процесс перемежался бесконечными паузами на чай, ожидание и разглядывание стен, испещренных красными пятнами от жеваного паана. Но наконец бумаги были оформлены, и спустя каких-то четыре часа Пия получила все необходимые документы.

И только тогда, уже собираясь покинуть контору, окрыленная радостью от своего триумфа, она узнала, что процедура еще не закончена – последним требованием для проведения ее исследования было наличие сопровождающего из лесной охраны. Лицо ее разочарованно вытянулось – по прежнему опыту Пия знала, что официальное сопровождение всегда только мешает, а порой доставляет гораздо больше хлопот, чем сама работа; она гораздо охотнее предпочла бы путешествовать самостоятельно, в обществе только лодочника или лоцмана. Но быстро выяснилось, что такого варианта не предусмотрено. И на самом деле ей уже назначили сопровождающего, человека, который знает маршрут и поможет с арендой лодки и прочими нуждами. Без дальнейших возражений Пия решила оставить все как есть. Хорошо, что документы быстро оформили, лучше не испытывать судьбу.

Сопровождающим, одетым в накрахмаленную форму цвета хаки, оказался мужчина небольшого роста с лицом, напоминающим морду хорька. Он поприветствовал ее с почтительной улыбкой. В целом вид его не вызывал дурных предчувствий – по крайней мере, пока он не достал кожаный патронташ и винтовку. При виде оружия Пия тут же помчалась обратно по коридорам выяснять, действительно ли ружье необходимо. Ответ был – да, именно так, этого требовали правила, потому что маршрут пролегает через тигриный заповедник. Всегда существовала возможность нападения.

Возразить на это было нечего. Забросив рюкзаки за спину, Пия следом за сопровождающим вышла из здания.

Не успели они отойти далеко, как поведение спутника начало меняться. Если сначала он был почти подобострастен, то теперь стал довольно дерзок, подгоняя ее вперед без всяких объяснений, куда они идут и зачем. Вскоре Пия очутилась на дамбе, в какой-то чайной, в обществе мужчины почти бандитской наружности. Звали его, насколько она поняла, Медж-да. Это был плотный, коренастый человек, под мясистым подбородком на массивной шее висели блестящие цепочки и амулеты. Ни он, ни сопровождающий не говорили по-английски, но через посредников ей растолковали, что у Медж-да есть катер, который можно нанять, а кроме того, он опытный проводник, знающий местность лучшего любого другого.

Пия попросила показать ей катер, но ей сказали, что это невозможно – он стоит на якоре где-то далеко, и нужна лодка, чтобы до него добраться. На вопрос о цене назвали откровенно завышенную сумму. Только теперь Пия поняла, что это подстава и ее элементарно разводят. Она предприняла несколько беспорядочных попыток найти других лодочников, но вид Медж-да и его спутника всех отпугивал. Никто не захотел иметь с ней дела.

Пии стало ясно, что перед ней сейчас стоит выбор: либо вернуться и подать жалобу в Лесной департамент – либо согласиться на предложение и начать исследования. После почти целого дня, проведенного в конторе, ей была невыносима сама мысль о возвращении. Пия сдалась и согласилась нанять лодку Медж-да.

По пути к лодке ее охватило раскаяние. Возможно, она слишком сурово судила этих людей? Возможно, они и в самом деле обладали громадными знаниями этой местности? В любом случае вреда не будет, можно посмотреть, смогут ли они помочь. В одном из рюкзаков у нее лежала карточка, которую она выбрала специально для этого исследования, с изображением двух видов речных дельфинов, обитающих в этих водах, – гангского дельфина и иравадийского дельфина. Рисунок был взят из монографии 1878 года. Это, конечно, не лучшие и не самые правдоподобные изображения, с которыми она встречалась (ей было известно бесчисленное количество более точных и реалистичных фотографий и диаграмм), но по какой-то причине ей всегда везло с этими рисунками – похоже, на них животные были более узнаваемы, чем на более реалистичных версиях.

В прошлом, на других реках, такие карточки порой очень помогали в сборе информации. Если общение хоть как-то складывалось, Пия показывала картинки рыбакам и лодочникам и расспрашивала об их наблюдениях, численности животных, поведении, сезонной динамике и тому подобном. А если переводить было некому, она просто демонстрировала карточку и ждала ответа. И часто срабатывало – люди узнавали животное и показывали ей места, где его можно встретить. Но, как правило, только самые наблюдательные и опытные рыбаки могли обнаружить связь между картинкой и животным, которое на ней изображено. Относительно немногие когда-либо видели это создание вживую целиком, их представление чаще ограничивалось мимолетно мелькнувшим дыхалом или спинным плавником. По этой причине карточки нередко вызывали неожиданные реакции – но никогда прежде эти иллюстрации не рождали настолько странного отклика, как у Медж-да. Сначала он перевернул карточку и рассмотрел картинку вверх ногами. Потом, указывая на картинку с гангским дельфином, спросил, птица ли это. Пия поняла, потому что он использовал английское слово.

– Птица? Птица?

Пия настолько оторопела, что сама еще раз посмотрела на картинку, пытаясь прикинуть, о чем он подумал. Загадка разрешилась, когда Медж-да ткнул пальцем в длинную морду животного, с двумя рядами острых зубов. Картинка, словно оптическая иллюзия, как будто меняла форму, пока она на нее смотрела, – у Пии возникло ощущение, что она теперь видит изображение его глазами. Стало понятно, как могла произойти эта ошибка, – принимая во внимание пухлое, как у голубя, тело животного и его ложкообразный клюв, похожий на клюв цапли. И конечно, у гангского дельфина не было выразительного спинного плавника. Но потом нелепость этого замечания дошла до нее – как может гангский дельфин быть птицей?

Пия отобрала карточку и отвернулась, чтобы скрыть улыбку, которая так и не сходила с ее лица до конца поездки, исчезнув только в тот момент, когда она увидела судно Медж-да – дряхлый дизельный катер, приспособленный для туристов, с рядами пластиковых стульев, установленных позади рубки под закопченным тентом. Ей хотелось бы плоскодонку или легкую лодку из стеклопластика с подвесным мотором. Опыт научил ее, что именно такой тип судна лучше всего подходит для изучения рек. Пия начала сожалеть о порыве, который побудил ее согласиться на предложение, но теперь уже поздно было отступать.

Когда она поднялась по трапу на борт, вонь дизельного топлива ударила в лицо, как пощечина. Около полудюжины юных помощников возились с двигателем. Когда его наконец завели, рев оглушал даже на палубе. Затем, к ее удивлению, Медж-да приказал помощникам покинуть катер. Команда, очевидно, должна была состоять только из него самого и лесного инспектора. Почему только эти двое? Что-то во всем этом было неправильно. Пия с беспокойством наблюдала, как остальные сходят на берег, и ее опасения только укрепились, когда Медж-да разыграл

странную пантомиму, якобы приветствуя ее на своем судне. Так получилось, что он был одет в точности как она – синие штаны и белая рубашка. Сама она не обратила на это внимания, но у него совпадение явно вызвало интерес. Серией жестов, указывая на себя и на нее, он без слов указал на общие черты в их внешности – одежда, цвет кожи, темный оттенок глаз и короткие вьющиеся волосы. Однако представление закончилось жестом одновременно загадочным и непристойным. Прыснув со смеху, он высунул язык, а рукой ткнул себе в пах. Пия поспешно отвернулась, нахмурилась, недоумевая по поводу смысла этой нелепой коды. Лишь позже она поняла, что это сопоставление языка и пола было комментарием различий между ними.

Смех, последовавший за странным выступлением, обострил ее сомнения насчет этой парочки. Не то чтобы она не привыкла к обществу соглядатаев и телохранителей. Годом раньше, во время экспедиции на Иравади, ее заставили – «рекомендовали», если использовать правительственный эвфемизм, – взять трех ненужных ей людей. Они были одеты одинаково, все трое, в трикотажные рубашки для гольфа и клетчатые саронги, и на всех были одинаковые темные очки в металлической оправе. Позже до нее дошли слухи, что эти трое были из военной разведки, правительственные шпионы, но она никогда не чувствовала рядом с ними никакого беспокойства, никакого ощущения угрозы. Напротив, она всегда ощущала себя защищенной завесой обыденности своих действий: долгие часы стояния в качающейся лодке под палящим небом и рассматривания в бинокль водной глади с перерывами лишь на заполнение бланков данных с интервалом в полчаса. Тогда на Иравади, равно как на Меконге и Маха́каме, Пия не отдавала себе отчета, что прежде всего ее защищает ее несомненная чужеземность. Это было написано на ее лице, проглядывало в черных коротко стриженных волосах, смуглой коже. По иронии судьбы здесь – в месте, где она была гораздо большим чужаком, чем где-либо еще, – внешность лишила ее такой защиты. Стали бы эти мужчины относиться к ней таким же образом, будь она, скажем, белой европейкой или японкой? Едва ли. И уж точно не посмели бы вести себя так с ее кузинами из Колкаты, которые держали наготове все признаки своей принадлежности к высшему обществу, как винтовку с лазерным прицелом. Уж они бы знали, как применить это оружие против таких парней, и сказали бы, что это означает «поставить их на место». Но что касается Пии, то она понятия не имела, где находится ее место в этой сложной картине, – не больше, чем о месте этих двоих, и именно это, догадалась она, и объясняет их поведение.

Лусибари

Когда лодка фонда привезла Канаи и Нилиму в Лусибари, начинался отлив, и без того высокая дамба, окружавшая остров, стала еще выше – с воды было не видно, что лежит по другую ее сторону. Взобравшись по насыпи, Канаи увидел внизу деревню Лусибари, и память внезапно будто развернула перед ним карту, и весь остров раскинулся перед его глазами.

Лусибари, около двух километров длиной из конца в конец, имел форму раковины. Это самый южный из населенных островов земли отлива, и на пятидесяти квадратных километрах мангровых зарослей, отделявших его от открытого моря, не найти других поселений. Хотя поблизости имелось множество других островов, Лусибари отрезан от них четырьмя реками. Их этих рек две были среднего размера, а третья настолько мелкая, что почти терялась в иле во время отлива. Но вот острая оконечность острова – самая узкая спираль раковины – вдавалась в реку, которая была одной из самых могучих в стране приливов, Ра́ймангол.

Если смотреть на Раймангол с Лусибари в период прилива, кажется, что это и не река вовсе, бескрайняя водная ширь напоминала больше морской залив или очень широкое устье. Пять проток впадали здесь в реку, образуя огромную мохону. В отлив устья других рек отчетливо видны издалека – гигантские порталы, прорывающие кольцо зеленых галерей, окружающих мохону. Но Канаи знал, что в прилив все это исчезнет: поднимающиеся воды мохоны поглотят и джунгли, и реки, и их устья. Если бы не верхушки нескольких деревьев *кевра*[20], можно было бы подумать, что смотришь на водный простор, тянущийся за горизонт. В зависимости от уровня воды, насколько Канаи помнил, вид вызывал либо восторг, либо ужас. Во время отлива, когда дамба, или *бад,* поднималась высоко над водой, Лусибари напоминал огромный земляной ковчег, безмятежно плывущий над водно-илистыми просторами. И только в прилив становилось очевидно, что внутренняя часть острова находится ниже уровня воды. В такие моменты еще несколько часов назад непотопляемый корабль превращался в хрупкое блюдце, что в любой момент может перевернуться и, описывая круги, погрузиться в пучину.

От узкой оконечности острова илистая отмель тянулась далеко в воду. Эта коса была подобна земляному флюгеру, менявшему направление в зависимости от преобладающих течений. Но так же, как флюгер остается прикрепленным к своей мачте, коса тоже упорно держалась за остров. Она образовала естественный пирс, и именно там паромы и лодки обычно высаживали пассажиров. На Лусибари не было доков и причалов, поскольку течения и приливы, омывавшие его, были слишком могучи, чтобы позволить строительство постоянных сооружений.

Главная деревня острова – тоже называвшаяся Лусибари – располагалась у основания илистой отмели, с подветренной стороны дамбы. Вновь прибывший, глядя на Лусибари с гребня дамбы, с первого взгляда подумал бы, что деревня ничем не отличается от тысяч таких же по всей Бенгалии – компактное поселение, состоящее из крытых пальмовыми листьями хижин и лачуг с бамбуковыми стенами. Но при ближайшем рассмотрении обнаруживалась совсем иная, серьезно отличающаяся от обычной, картина.

В центре деревни находился *мейдан,* открытое пространство не настолько правильной геометрической формы, чтобы назвать его площадью. В одном конце этого замысловато изогнутого мейдана был устроен рынок – нагромождение лотков, пустовавших большую часть недели и оживавших лишь по субботам, в базарный день. На другом конце мейдана, возвышаясь над деревней, стояла школа. Именно это здание привносило элемент необычности, даже оригинальности в облик деревни. Хотя и небольшое само по себе, здание высилось над окружавшими его лачугами, хижинами и хибарами, подобно собору. Над главным входом кир-

[20] Древовидное растение высотой до 25 метров.

пичом было выложено название школы и дата строительства: «Средняя школа сэра Дэниэла Гамильтона 1938». Фасад состоял из длинной тенистой веранды, украшенной канелированными колоннами, неоклассическими фронтонами, псевдомавританскими арками и прочими такого рода элементами школьной архитектуры того периода. Классы были просторными и светлыми, с высокими окнами.

Недалеко от школы находился комплекс построек, скрытый от посторонних глаз завесой деревьев. Дом, стоявший в центре, был гораздо меньше и не так бросался в глаза, как школа, хотя облик имел, пожалуй, более поразительный. Выстроенный целиком из дерева, он стоял на опоре из двухметровых свай, словно намекая, что принадлежит скорее Гималаям, чем стране приливов. Крыша его представляла собой высокую деревянную пирамиду, покоящуюся на сетке симметричных линий: сваи и колонны, окна и балюстрады. Ряды французских окон со ставнями выходили на затененную веранду, которая тянулась вокруг всего дома. Перед домом был пруд, заросший лилиями, вокруг него вилась кирпичная дорожка, подернутая мхом.

В 1970-м, по воспоминаниям Канаи, дом выглядел заброшенным и уединенным. Хотя он и располагался в центре деревни, поблизости было мало других жилищ. Казалось, некое давнее почтительное отношение или уважение побуждало островитян держаться подальше от этого деревянного дома. Но сейчас все иначе. С первого взгляда было ясно, что этот квартал один из самых оживленных на острове. Вокруг дома выросли группы хижин, домов, лавочек, кондитерских и тому подобных построек. В переулках, петлявших по кварталу, разносились звуки музыки из какого-то фильма, в воздухе стоял густой запах свежеподжаренных *джилипи*[21].

Оглянувшись через плечо, Канаи увидел, что Нилима оживленно обсуждает дела своего фонда с двумя активистками из Женского союза. Ускользнув потихоньку, он толкнул ворота и поспешил по заросшей мхом тропинке, ведущей к дому. Удивительно, но никакие звуки и шумы деревни, похоже, не проникали внутрь, и на миг Канаи почудилось, будто он попал в петлю времени. Дом казался одновременно очень старым и совсем новым. Дерево, выцветшее от солнца и дождя, обрело серебристую патину, как некоторые виды древесной коры, оно отражало свет так, что казалось полупрозрачным, будто поверхность из зеркального металла. Сейчас – почти синего цвета, повторяя оттенок неба.

Добравшись до свай, Канаи остановился взглянуть на пятнистую нижнюю часть дома – геометрический узор теней оказался ровно таким, как он помнил. Он поднялся по ступеням и направлялся к входной двери, когда услышал дядин голос, доносившийся из прошлого.

– Сюда не надо идти, – говорил Нирмол. – Разве ты не помнишь? Ключ от парадной двери потерян много лет назад. Нам приходится обходить весь дом.

Повторяя шаг за шагом свой прошлый визит, Канаи двинулся по веранде, завернул за угол, потом вдоль другого крыла, пока не подошел к маленькой двери в задней части дома. Дверь подалась сразу же, и первым, на что упал его взгляд, оказался старомодный фаянсовый унитаз с деревянным сиденьем. Рядом с ним – огромная чугунная ванна на фигурных ножках и с закругленным ободом. Над ней, словно цветок, поникший на увядшем стебле, вилась лейка душа.

Металл немного заржавел с тех пор, как Канаи впервые увидел его, но в остальном ничего не изменилось. Канаи вспомнил, как он обрадовался тогда в детстве, увидев эту ванную. До того он вынужден был мыться в пруду, как Нирмол с Нилимой, и ему ужасно хотелось встать под душ.

– Это *ша́хеби чоуба́чча,* лохань белого человека, – показал Нирмол. – *Шахебы* в них моются.

[21] Также называется джалеби – популярная индийская сладость: жаренные во фритюре спиральки из теста, пропитанные сладким сиропом.

Канаи вспомнил, что был поражен меткостью описания, но вместе с тем обижен, что с ним разговаривали как с деревенщиной, словно он никогда не видал ничего подобного.

– Я знаю, что это такое, – ответил он. – Это ванна.

Вторая дверь в ванной вела внутрь дома. Толкнув ее, Канаи оказался в громадной комнате, обшитой деревянными панелями. Облака пыли висели, как будто застыв в косых полосах света, проникавшего сквозь ставни. Большая железная кровать одиноко стояла посередине комнаты, словно остатки затонувшего атолла. На стенах висели выцветшие портреты в тяжелых рамах – *мемсахиб*[22] в длинных платьях и мужчины в бриджах.

Канаи остановился перед портретом молодой женщины в кружевном платье, она сидела на лугу, усеянном желтыми цветами. На заднем плане виднелись крутые склоны, покрытые пурпурным дроком, и заснеженные горы. Потемневшая медная табличка под картиной гласила: «Люси Мак-Кей Гамильтон, остров Арран».

– Кем она была? – услышал Канаи свой голос, будто доносящийся из прошлого. – Кто такая Люси Гамильтон?

– Женщина, в честь которой назван этот остров.

– Она тут жила? В этом доме?

– Нет. Она направлялась сюда из дальнего конца Европы, когда ее корабль перевернулся. Она так никогда и не увидела дом, но поскольку он был построен для нее, люди называли его *Люси́р-бари*. А потом название сократилось до Лусибари, так остров и получил свое имя. Но хотя именно этот дом и был изначально Лусибари, люди его так не называют. Теперь все говорят о нем «Гамильтон-Хаус».

– Почему?

– Потому что его построил сэр Дэниэл Мак-Киннон Гамильтон, дядя Люси. Разве ты не видел его имя на здании школы?

– А кем он был?

– Ты действительно хочешь знать?

– Да.

– Что ж, ладно. Слушай. – Палец с узловатыми костяшками суставов устремился вверх, указывая на небеса. – Теперь, раз ты спросил, придется слушать. И слушай внимательно, ибо все это – правда.

[22] Госпожа. Уважительное обращение к европейской женщине в Индии.

Падение

День клонился к вечеру, когда рыбацкая лодка вдалеке прочертила царапину в поле зрения Пии, прервав ритм ее бдения. Сначала это была всего лишь точка на линзе бинокля, неподвижное пятнышко, застывшее в дальнем конце слияния нескольких рек. Через некоторое время, когда точка чуть увеличилась в размерах, Пия разглядела, что это маленький челнок с полукруглым навесом на корме. На борту, кажется, только один рыбак. Он методично забрасывал сеть, выпрямляясь для броска и наклоняясь, чтобы вытащить улов.

Пия провела уже три часа в своей «дежурной» позиции на носу катера. Прижав бинокль к глазам, она осматривала воду, дожидаясь всплеска или черного или серого пятна, прорывающегося сквозь серовато-коричневую поверхность. Но пока ее бдение не увенчалось успехом, за весь день ни единого наблюдения, ни разу. Был один обнадеживающий момент, но все закончилось появлением ската, взмывшего в воздух, длинный хвост волочился за ним, как бечевка воздушного змея. Потом еще одна ложная тревога. Примчался Медж-да, в большом возбуждении размахивая руками, дескать, он увидел дельфина. Но оказалось, что его внимание привлекла группа крокодилов, гревшихся на отмели. Мотивы Медж-да, побудившие его обратить на них внимание, стали очевидны, когда он потер пальцы, давая понять, что заслужил чаевые. Это разозлило Пию, и она раздосадованно отмахнулась.

Разумеется, она заметила крокодилов гораздо раньше, чем он, – она их увидела еще за пару километров. Четыре особи, и огромные: если измерять от носа до кончика хвоста, самый крупный был, пожалуй, длиной с их катер. Она представила, каково было бы столкнуться с таким чудовищем, и невольно содрогнулась при одной только мысли.

Но это и все. Больше они ничего не видели. Хотя Пия не знала, чего ожидать, но не предполагала такой тотальной пустоты. Было абсолютно точно известно, что некогда в этих водах водилось множество дельфинов. Это подтверждали несколько зоологов девятнадцатого века. «Открыватель» гангских дельфинов, Уильям Роксбург[23], прямо заявлял, что пресноводные дельфины Ганга «блаженствовали в лабиринте рек и заливов к югу и юго-востоку от Калькутты». Именно там Пия сейчас и находилась, и все же за много часов тщательных наблюдений ей так и не удалось заметить своего первого дельфина. Впрочем, и рыбаков она видела немного. Пия надеялась, что поездка подарит встречи со знающими людьми, но сегодня такого шанса не выпало. Она видела много забитых людьми паромов и катеров, но лишь несколько рыбацких лодок – так мало, будто в этом районе рыбная ловля запрещена. Этот маленький челнок вдали был первой лодкой, которая им встретилась за долгое время, и не оставалось сомнений, что катер пройдет в паре сотен метров от него. Она начала прикидывать, стоит ли делать крюк.

Потянувшись к поясу, Пия отстегнула дальномер. Прибор был похож на усеченный бинокль с двумя окулярами на одном конце и только одной здоровенной линзой на другом. Пия направила эту линзу на рыбацкую лодку и нажала кнопку, измеряя расстояние до нее. Через секунду, звонко пискнув, прибор выдал ответ: 1,1 километра.

Пия не могла разглядеть рыбака отчетливо, но, кажется, это был немолодой мужчина, поскольку вокруг рта и на подбородке явно белела щетина. На голове намотано что-то вроде тюрбана, но тело обнажено, только вокруг талии обернут кусок ткани, пропущенный между ног. Тело тощее, почти изможденное, как у человека, состарившегося на воде, медленно уступавшего свою плоть ветру и солнцу. Она встречала множество таких рыбаков на реках, и они часто бывали источником дельных советов и ценной информации. Пия решила, что стоит потратить несколько минут, чтобы показать ему карточки.

---

[23] Шотландский естествоиспытатель и врач XVIII – нач. XIX в., основатель индийской ботаники, директор Ботанического сада в Калькутте.

До этого она дважды просила сделать крюк, но Медж-да, который был рулевым, после инцидента с крокодилами стал совсем недружелюбен и в обоих случаях игнорировал просьбы. Однако на это раз она намерена была добиться своего.

Медж-да с инспектором сидели плечом к плечу в застекленной рубке. Отойдя от носа, она повернулась лицом к мужчинам. Медж-да, сидевший у руля, при ее приближении опустил глаза – такая скрытность слишком откровенно демонстрировала, что говорил он о ней.

Вытащив карточку, Пия подошла к рубке и встала прямо напротив Медж-да.

– Стоп! – сказала она, прижав к стеклу раскрытую ладонь. Медж-да взглядом проследил за движением ее пальца в направлении лодки, теперь отчетливо видимой впереди. – Плыви туда, – скомандовала она. – К лодке. Я хочу выяснить, вдруг он знает про это. – Поясняя, что имеет в виду, она показала карточку.

Дверь рубки распахнулась, инспектор вышел наружу, поддергивая штаны. Он прошел по палубе и склонился над планширом, приложив ладонь к глазам. Нахмурился, присматриваясь к лодке. Сплюнув в воду, он что-то пробормотал лоцману. Последовал короткий диалог, а затем Медж-да кивнул и взялся за штурвал. Нос катера начал поворачивать в сторону лодки.

– Хорошо, – проговорила Пия, но инспектор как будто не услышал, все его внимание было теперь полностью сосредоточено на лодке.

Напряженное выражение его лица озадачило Пию, а еще взгляд – настолько хищный, что трудно было поверить, будто он всего лишь уступает ее желаниям.

Рыбак выпрямился, готовясь вновь забросить сеть, лодка не двигалась, однако чуть увеличивалась в размерах всякий раз, когда попадала в поле зрения. Теперь до нее оставалось меньше километра – Пия все время сверялась по дальномеру с того момента, как катер повернул. До сих пор рыбак, казалось, не замечал их присутствия, но когда стало очевидно, что катер меняет курс, он прервал работу и повернулся в их сторону. Внезапно лицо его напряглось в тревоге. В бинокль Пия могла разглядеть даже глаза, ярко выделявшиеся на темном фоне кожи. Он повернул голову, и губы его зашевелились, словно он говорил с кем-то. Переместив фокус, Пия увидела, что рыбак в лодке не один, как она сначала думала, с ним был ребенок – сын или внук? Мальчик сидел, съежившись, на носу. Видимо, это он предупредил рыбака о приближении катера. Указывая рукой в их сторону, малыш сжался – неужели от страха?

Спустя мгновение стало ясно, что так и есть: и мужчина, и мальчик напуганы. Мужчина вытащил весла и принялся яростно грести, а мальчик, пометавшись по лодке, спрятался под навесом на корме. Лодка находилась метрах в пятидесяти от устья узкого ручья – такое расстояние можно было покрыть за несколько десятков взмахов весла. Именно к этой протоке они и направлялись. Лес, обрамлявший берега ручья, был наполовину затоплен приливом, и маленькая лодка могла бы ускользнуть от катера, скрывшись в мангровых зарослях. Вода стояла достаточно высоко, чтобы унести их глубоко в чащу, в идеальное укрытие. Они будут надежно скрыты и смогут сбежать.

Что-то в этой ситуации насторожило Пию. И на Иравади, и на Меконге рыбаки порой опасались, что чужаки могут помешать, особенно если чувствовался чиновничий душок, однако она никогда не видела, чтобы рыбацкая лодка всерьез пыталась скрыться.

Пия посмотрела направо. Теперь инспектор стоял на носу катера, и на плече у него висела винтовка. Он достал оружие, пока она отвлеклась на лодку. Реакция рыбака стала понятной. Повернувшись к инспектору, Пия ткнула пальцем в винтовку:

– Это зачем? Для чего вам это нужно?

Инспектор не отреагировал на вопрос, и она повысила голос:

– Уберите оружие. В нем нет необходимости.

Он бесцеремонно отмахнулся от нее и крикнул что-то Медж-да. Мотор взвыл, и катер рванул вперед, стремительно настигая лодку.

Теперь Пия поняла, что ситуация, хотя и созданная ею самой, полностью вышла из-под ее контроля и даже понимания. Единственное объяснение, которое она могла придумать, – рыбак забрасывал сеть в запрещенном районе, только это и могло спровоцировать погоню. Какова бы ни была причина, она должна была прекратить эту охоту – если пойдут слухи, что она конфликтует с местными, ее работа под угрозой.

Повернувшись к рубке, Пия решительно махнула Медж-да:

– Стоп! Дальше мы не идем. Хватит.

Она уже готова была ворваться в рубку, когда инспектор начал что-то орать рыбаку. Он вскинул винтовку к плечу, определенно угрожая выстрелить.

Пия пришла в ужас.

– Что ты, черт возьми, творишь? – Она бросилась к инспектору, вцепилась в руку, пытаясь отвести ствол в сторону.

Тот ткнул ее локтем. Сильный удар пришелся в ключицу и отбросил ее назад. Пия выпустила карточки, схватившись за плечо.

Рыбак бросил весла, Медж-да заглушил мотор, и катер подплыл к челноку. Выкрикнув приказ, инспектор швырнул канат, и рыбак закрепил его на лодке. Ребенок наблюдал за всем этим из своего укрытия под навесом.

Инспектор рявкнул что-то вопросительное, рыбак отозвался невнятным бормотанием. Ответ явно удовлетворил инспектора, поскольку тот с довольной улыбкой повернулся к Медж-да. Они перебросились короткими фразами, а затем инспектор повернулся к Пии и обвиняющим тоном выплюнул слово «браконьер».

– Что? – переспросила Пия. Даже если бы она хотела поверить, это обвинение казалось неправдоподобным. Она отрицательно помотала головой. – Он же просто ловил рыбу.

– Браконьер, – повторил инспектор, тыча винтовкой в сторону рыбака. – Браконьер.

Теперь ей все стало ясно: как она и предполагала, рыбак забрасывал сеть там, где запрещено. И выбрал такое место, чтобы можно было сбежать в случае появления испекции. Он решил, что катер – очередное туристическое судно, и не сообразил, пока не стало слишком поздно, что на борту находится вооруженный лесной инспектор. И теперь ему придется либо дать взятку, либо заплатить штраф.

Рыбак стоял в лодке, устало опираясь на весло. Вид его поразил Пию, вблизи стало очевидно, что это вовсе не седобородый старикан, за которого она его приняла, а примерно ее ровесник, лет тридцати. Он не был истощен, просто очень худ, длинные жилистые конечности казались почти лишенными мышечной плоти. И белесый налет на подбородке оказался вовсе не щетиной, это были кристаллы соли, осевшие на лице за долгий день, проведенный на соленых водах. Лицо было худым, с заостренными чертами, впалые щеки будто увеличивали размер глаз. Ткань, обмотанная вокруг талии, – всего лишь выцветшая тряпка – в сочетании с тощим телом наводила на мысли об абсолютной нищете. Однако в позе его чувствовался вызов, противоречащий кажущейся беззащитности его обнаженной груди и выпирающих костей. Рыбак настороженно смотрел на инспектора, словно прикидывая, сколько точно денег придется потерять. По меньшей мере недельный заработок, предположила Пия, если не месячный.

Словно напоминая Пии о ее роли в данной ситуации, инспектор наклонился поднять карточки с палубы. Сейчас, настигнув жертву, он уже никуда не торопился. Протягивая карточки, он кивнул в сторону лодки, предлагая показать материалы рыбаку.

Пии не верилось, что он просит ее продолжать, как будто ничего не произошло. Она спрятала руки за спину, отрицательно помотала головой. Он опять сунул ей карточки, и на этот раз винтовка качнулась вместе с рукой, словно он намеревался подтолкнуть ее к рыбаку. Пия пожала плечами:

– Ладно.

Расстегнув рабочий пояс, она убрала его в рюкзак вместе с биноклем. Затем подошла к борту. Лодка покачивалась прямо внизу, привязанная к катеру, и лицо рыбака оказалось сейчас на уровне ее коленей.

Увидев ее, рыбак оторопел. Все его внимание было обращено на инспектора, он и не предполагал, что на катере находится женщина. Ее присутствие, кажется, смутило парня. Он потянулся к куску ткани, обмотанному вокруг головы, и сдернул его. Ткань развернулась и сползла вниз, окутывая его тело, словно занавес. Он завязал ткань на талии, и Пия увидела, что то, что она приняла за тюрбан, было на самом деле свернутым саронгом. В этом жесте проявилось и уважение, и признание ее присутствия, растрогавшее Пию, – первое нормальное человеческое поведение с того момента, как она оказалась на катере. Несмотря на необычность обстоятельств, Пии не терпелось увидеть его реакцию на картинку.

Она опустилась на одно колено и, когда их лица оказались друг против друга, показала карточку. Она попыталась ободрительно улыбнуться, но он не смотрел в глаза. Отведя взгляд от карточки, он поднял руку, указывая вверх по течению. Жест был таким поспешным и рассеянным, что сначала она подумала, что он не понял. Но он кивнул, словно подтверждая: да, там я их и видел. Но кого именно? Она вновь сунула ему карточку, ожидая, что он ткнет в картинку с гангским дельфином, более распространенным из этих двух видов. К ее изумлению, палец опустился на изображение иравадийского дельфина, *Orcaella brevirostris*. Парень произнес что-то на бенгали и поднял вверх шесть пальцев.

– Шесть? – переспросила она. Пия разволновалась. – Ты уверен?

Детский плач прервал ее. Подняв голову, она увидела, что инспектор уже забрался в лодку. И сейчас рылся в вещах, сложенных под навесом. Малыш жался к борту лодки, притиснув руки к груди. Внезапно обернувшись, инспектор схватил мальчика и силой разжал ему руки – очевидно, ребенок пытался утаить тонкую пачку банкнот. Инспектор вырвал деньги и сунул себе в карман. Напоследок отвесив мальчишке подзатыльник, он забрался обратно на катер.

Пия, глядя на сцену сверху, вдруг вспомнила про свои собственные деньги, что она держала в поясной сумке. Она украдкой расстегнула молнию и выудила несколько купюр. Свернув их в ладони, она подождала, пока Медж-да заведет мотор. Когда инспектор отвернулся, она перегнулась через борт и вытянула руку в сторону рыбака.

– Вот! Вот! – Она говорила тихо, и шум мотора заглушал голос.

Между лодкой и катером уже образовался клин воды, но она была уверена, что сможет перебросить деньги, если удастся взобраться чуть повыше. Рядом стоял пластиковый стул, и она придвинула его к борту. Взгромоздилась на него, опираясь на планшир.

– Держи! – Пия швырнула деньги, сопроводив жест громким призывным шипением.

На этот раз ей удалось привлечь внимание рыбака, и тот удивленно вскочил на ноги. Но и инспектор ее расслышал и ринулся по палубе к ней. Зацепившись ногой о стул, он повалился на Пию. И вот она уже падает, и мутная коричневая вода заливает ее лицо.

С'Дэниэл

– Страна отлива во многом напоминает пустыню, – рассказывал Нирмол, – в частности, своей способностью обманывать зрение, создавая миражи. Именно этот фокус она и проделала с сэром Дэниэлом Гамильтоном. Когда шотландец взглянул на усеянные крабами берега, он увидел не ил, но нечто, сияющее ярче золота. «Вы подумайте, сколько стоит эта грязь, – сказал он. – Один-единственный акр бенгальского ила дает пятнадцать *маундов*[24] риса. А что дает квадратная миля золота? Ничего». – Нирмол поднял руку, указывая на портрет на стене: – Смотри, вот он, Дэниэл Гамильтон, в тот день, когда был посвящен в рыцари. С того момента он навеки стал С'Дэниэл.

На картине изображен был мужчина в чулках и штанах до колен, в туфлях с пряжками и камзоле с медными пуговицами. Над верхней губой кустились белые усы, а у пояса поблескивало что-то, напоминавшее эфес сабли. Взгляд, устремленный прямо на зрителя, был одновременно строгий и добрый, серьезный и чудаковатый. Что-то такое читалось в его глазах, что смущало Канаи. Он словно инстинктивно спрятался за спину дяди от этого проницательного взгляда.

– С'Дэниэл, – продолжал Нирмол, – вырос в Шотландии, в краю скалистом и суровом, холодном и безжалостном. В школе преподаватели научили его, что самый важный жизненный урок гласит: «Труд покоряет все», даже скалы и камни, а если нужно – то и топкий ил. Как и для многих его соотечественников, для Дэниэла Гамильтона наступило время, когда он должен был покинуть родину в поисках лучшей доли, а что в этом смысле может быть лучше Индии? Он прибыл в Калькутту и поступил в «Мак-Киннон & Мак-Кензи», компанию, с которой была связана его семья. Эта компания продавала билеты пароходной компании «P&O», в то время одной из крупнейших в мире. Молодой Дэниэл усердно трудился и продавал много, очень много билетов: первый класс, второй класс, третий класс, палубные места. На каждое судно, отплывающее из Калькутты, нужно было продать сотни билетов, но агент по продаже билетов имелся только один. И вскоре С'Дэниэл стал главой компании и владельцем баснословного состояния, одним из богатейших людей в Индии. Иными словами, он был тем, кого мы называем *монополистом*. Другой на его месте забрал бы деньги и уехал – или потратил их на дворцы и прочую роскошь. Но не таков был С'Дэниэл.

– Почему?

– Я подхожу к сути. Погоди. Взгляни на картину на стене, а потом закрой глаза. Представь, как этот человек, С'Дэниэл, стоит на носу лайнера компании «P&O», отплывающего из Калькутты, который берет курс в направлении Бенгальского залива. Прочие шахебы и мем смеются, выпивают, гомонят и танцуют, но не С'Дэниэл. Он стоит на палубе, взглядом впитывая в себя эти безбрежные реки, эти илистые отмели, эти покрытые мангровыми зарослями острова, и ему приходит в голову вопрос: «Почему здесь никто не живет? Почему на этих островах нет людей? Почему эти плодородные земли остаются невозделанными?» Матрос видит, что он всматривается в лес, и указывает на руины древнего храма и мечети. Видите, говорит он, когда-то тут жили люди, но их изгнали бури и приливы, тигры и крокодилы. «*Тай на́ки?*[25] – говорит С'Дэниэл. – Неужели? Но если некогда люди жили здесь, почему бы им не вернуться?» В конце концов, это ведь не отдаленные пустынные рубежи – это коврик у дверей Индии, порог богатейшего и густонаселенного субконтинента. Каждому, кто когда-либо выбирал восточный путь в сердце долины Ганга, приходилось проходить эти земли – араканцы, кхмеры, яванцы, голландцы, малайцы, китайцы, португальцы, англичане. Всем известно, что почти каждый ост-

[24] Мера веса в Индии, в Бенгалии составляет 37,3 кг.

[25] Серьезно? *(бенг.)*.

ровок в стране отлива был населен в тот или иной период времени. Но, глядя на них, никогда не догадаешься, ведь особенность мангровых зарослей в том, что они не просто завладевают землей – они стирают время. Каждое поколение создает своих собственных призраков.

По возвращении в Калькутту С'Дэниэл обратился к знающим людям. Он выяснил, что из всех напастей в Шундарбун нет ничего опаснее Лесного департамента, который считает эту область своим персональным королевством. Но С'Дэниэлу было наплевать на Лесной департамент. В 1903 году он купил десять тысяч акров страны отлива у британского *саркáра*[26].

– Десять тысяч акров! Сколько это земли?

– Много островов, Канаи. Много островов. Британский саркар рад был отдать их ему. Госáба, Рангабéлиа, Шáтджéлиа – все они принадлежали ему. И к ним он позже добавил остров, на котором ты стоишь, Лусибари. С'Дэниэл хотел, чтобы новоприобретенные земли назывались Эндрюпур, в честь святого Эндрю Шотландского – бедняка, который, не имея ни серебра, ни золота, нашел деньги, чтобы создать страну. Но это название так и не прижилось, люди привыкли называть эти острова Гамильтон-абад[27]. А по мере того как население росло, возникали новые деревни, и С'Дэниэл давал им имена. Одна деревня стала Шобномошкар, то есть «Добро пожаловать всем», другая – Юбилей Раджата, в честь серебряного юбилея какого-то правителя. А некоторым он давал имена своих родственников, вот поэтому у нас здесь есть Джеймспур, Эннпур и Эмилибари. Лусибари – еще один такой пример.

– И кто жил в этих местах?

– Вначале никто. Помнишь, в то время здесь не было ничего, кроме леса. Ни людей, ни дамб, ни полей. Только мангровые заросли. В прилив большая часть земли скрывалась под водой. И повсюду, куда ни глянь, хищники – тигры, крокодилы, акулы, леопарды.

– Но почему тогда люди поселились здесь?

– Из-за земли, Канаи. Ради чего еще? Это были времена, когда людям настолько отчаянно не хватало земли, что они готовы были продать самих себя в обмен на *бига*[28] или две. А эта земля находилась в их собственной стране, не так уж далеко от Калькутты, не нужно было плыть на лодке в Бирму или Малайю, на Фиджи или Тринидад. И что важнее всего, она была бесплатна.

– И потому они пришли сюда?

– Тысячами. Приглашаем всех, кто готов работать, сказал С'Дэниэл, но при одном условии. Они не должны принести сюда все свои мелочные разногласия и различия. Здесь не будет браминов и неприкасаемых, бенгальцев и орийя[29]. Всем придется жить и работать вместе. Когда эта весть распространилась, сюда хлынули люди из северной Ориссы, из восточной Бенгалии, из Сантал-Паргана[30]. Они прибывали на рыбацких лодках, на шлюпках и на всем, что попадалось им под руку. Когда вода спадала, поселенцы рубили лес своими *даа*'[31], а когда поднимался прилив, пережидали наводнение на помостах, установленных на сваях. По ночам они спали в гамаках, подвешенных так, чтобы защитить от высокой воды.

Представь, каково это было, вспомни про тигров, крокодилов и змей, обитавших в заливах, ручьях и *кха'лах*[32], покрывавших острова. Вот уж праздник у них настал. Они погубили

---

[26] Исторически – правительственный чиновник, должностное лицо; в более общем смысле – британская администрация.

[27] Суффикс, произошедший от персидского слова داب, означающего «обжитое место»; обычно присоединяется к имени основателя или покровителя города.

[28] Традиционная единица измерения площади земельных участков, которую используют на северо-востоке Индии, в Бангладеш и Непале. Размеры могут изменяться в зависимости от региона – от 600 до 2000 квадратных метров.

[29] Уроженцы Ориссы.

[30] Округ в штате Бихар на северо-востоке Индии.

[31] Большой нож типа мачете.

[32] Канал, канава *(бенг.)*.

сотни людей. Так много погибло, что С'Дэниэл назначил награду каждому, кто убьет тигра или крокодила.

– Но чем же они убивали зверей?

– Голыми руками. Ножами. Бамбуковыми копьями. Всем, что под руку попадется. Помнишь Хорена, лодочника, что привез нас сюда из Каннинга?

– Да, – кивнул Канаи.

– Его дядя Бола́и однажды убил тигра, когда поехал на рыбалку. С'Дэниэл подарил ему две бига земли, прямо здесь, в Лусибари. И на долгие годы Болаи стал героем острова.

– Но зачем ему все это было нужно? – не понял Канаи. – Из-за денег?

– Нет, – ответил Нирмол. – Деньги у С'Дэниэла уже были. Он хотел построить новое общество, страну совершенно нового типа. Это была бы страна, которой управляют кооперативы, говорил он. Здесь люди не эксплуатировали бы друг друга и каждый мог получить свою долю общей земли. С'Дэниэл беседовал с Махатмой Ганди, Рабиндранатом Такуром и многими другими националистами. И вся буржуазия соглашалась с С'Дэниэлом, что это место могло бы стать образцом для всей Индии, оно могло стать новым типом государства.

– Но как это могло стать государством? – недоуменно спросил Канаи. – Здесь же ничего нет – ни электричества, ни дорог, ничего.

Нирмол улыбнулся.

– Все это было впереди, – сказал он. – Взгляни. – И он показал на выцветший провод, тянувшийся по стене. – Видишь, С'Дэниэл позаботился об электричестве. Вначале прямо рядом со школой стоял огромный генератор. Но после его смерти генератор сломался, и некому было заменить.

Опустившись на колени возле стола, Нирмол показал на другие провода:

– Гляди, здесь были даже телефонные линии. Задолго до того, как телефон пришел в Калькутту, С'Дэниэл провел его в Госабу. Все было предусмотрено, ничто не оставлено на волю случая. В Госабе существовал Центральный банк, была даже валюта Госабы.

Нирмол потянулся к одной из книжных полок, стоявших вдоль стены, вытащил рваный и пыльный листок бумаги.

– Смотри, вот одна из банкнот. Видишь, что тут сказано? «Ценность банкноты обеспечена живым человеком, а не мертвой монетой. Сама она практически ничего не стоит, но приносит стопроцентную прибыль в виде возделанных земель, выкопанных водохранилищ, построенных домов и т. д., а также более здоровой и изобильной ЖИЗНИ». – Нирмол протянул бумагу Канаи. – Видишь! Эти слова могли быть написаны самим Марксом, это всего лишь трудовая теория стоимости. Но взгляни на подпись. Что там написано? Сэр Дэниэл Мак-Киннон Гамильтон.

Канаи повертел в руках клочок бумаги.

– Но *зачем* это все? Если не для того, чтобы зарабатывать деньги, тогда для чего ему все эти хлопоты? Не понимаю.

– Это была мечта, Канаи. Его желания ничем не отличались от желаний мечтателей всех времен. Он хотел построить страну, где нет эксплуатации, а люди живут вместе без мелочных социальных различий и разногласий. Он мечтал о таком месте, где мужчины и женщины могли бы по утрам быть земледельцами, поэтами днем и плотниками – по вечерам.

Канаи расхохотался.

– И посмотри, чем все закончилось, – сказал он. – Этими изъеденными крысами островами.

То, что ребенок может быть столь самоуверенно циничным, поразило Нирмола. Несколько раз беспомощно открыв и закрыв рот, он пролепетал:

– Не надо смеяться, Канаи, – просто страна отлива тогда не была готова. Когда-нибудь, кто знает? Может, это еще сбудется.

Окно снелла

В чистых водах открытого моря солнечный свет льется сверху перевернутым конусом, острие которого направлено в глаз смотрящего. Основание конуса – прозрачный диск, что ореолом висит над головой. Именно через эту призму, известную как «окно Снелла», океанский дельфин воспринимает мир за пределами воды; при погружении дельфина в воду этот круг-портал следует за ним повсюду, создавая просвет в серебристом сиянии, что формирует поверхность воды, если смотреть на нее снизу.

Реки, подобные Ганге и Брахмапутре, затягивают это окошко завесой из ила, в их непроницаемых водах свет теряет свою силу уже в нескольких сантиметрах от поверхности. Ниже лежит поток взвеси, в которой видимость не распространяется дальше протянутой руки. Без освещенного портала, указывающего путь, представление о том, где верх и где низ, как и направления «вверх» и «вниз», очень быстро начинают путаться. И, будто для решения этой проблемы, гангский дельфин обычно плавает на боку параллельно поверхности, один боковой плавник обратив ко дну, словно пытаясь удержаться в своем темном мире, цепляясь за его пол.

В открытом море Пия без труда справилась бы с падением, подобным тому, что только что пережила. Она была опытным пловцом и смогла бы удержаться даже против течения. Именно дезориентация, вызванная особыми условиями освещенности в илистой воде, повергла ее в панику. Задыхаясь, она чувствовала, как ее окутывает кокон зловеще мерцающего мрака, и не могла понять, вверх она смотрит или вниз. Голову заполонил запах или, скорее, металлический привкус, знакомый ей, – не кровь, но вдыхаемая грязь. Он проникал в рот, нос, горло и в глаза – саван, сковывающий ее, окутывающий своими облачными пеленами. Пия взметнула руки, царапая его, отталкивая, колотя, но илистые края, казалось, постоянно отступали, словно скользкие стенки плодного пузыря. Внезапно она почувствовала, как что-то коснулось ее спины, и дернулась в сторону, уверенная, что это рептилия. Она попыталась перевернуться в воде, увидеть врага, но перед глазами было лишь непроницаемое желтокоричневое матовое сияние. Руки и ноги уже сводило, силы оставляли ее, но она все молотила и молотила по воде.

Затем что-то пронеслось рядом и ткнулось в нее. Пия почувствовала, как ее тянет вперед, сил сопротивляться уже не осталось. Внезапно голова ее оказалась на поверхности, кожу окатило потоком воздуха. Но дышать она по-прежнему не могла – нос и рот были забиты илом.

Работая руками, она попыталась приподняться над водой, но лишь затем, чтобы ее опять ударили по лицу. И тут же чьи-то руки подхватили ее. Ладонь сжала ее шею и дернула вверх, запрокидывая голову, и чьи-то зубы прижались к ее зубам. Во рту будто включился насос, что-то вылетело у нее из гортани. Мгновением позже она ощутила, как воздух пробивается в легкие, и принялась хватать его – еще и еще. Рука крепко держала ее над водой, в левом плече остро покалывало. Судорожно глотая воздух, Пия сообразила, что это рыбак держит ее и это его щетина царапает ей кожу. Резкая боль, похоже, прояснила ее разум, и она заставила себя расслабить панически сжавшиеся мышцы, успокаивая тело до той степени, где оно могло начать плыть.

Течение отнесло их далеко от лодки, и Пия понимала, что парень не сможет отбуксировать ее, если она не будет вести себя спокойно. Перевернувшись в воде, она выгнула спину, чтобы удержаться на плаву, и подхватила его под руку. Течение упорно тянуло ее прочь, Пия чувствовала, как рыбак напрягается, преодолевая каждый дюйм, словно тащит ее вверх по крутому склону.

Наконец Пия ухватилась за борт, и рыбак, поднырнув, вытолкнул ее из воды. Пия шлепнулась на дно лодки, и в тот же миг проглоченная вода хлынула изнутри, заливая глотку. Пии казалось, что она вновь тонет. Вода лилась из носа и изо рта. Пия вцепилась пальцами в горло,

будто пыталась ослабить гарроту. Затем руки рыбака обхватили ее за плечи и перевернули на спину. Он придавил ее всем своим весом, прижался ртом к ее губам, высасывая воду из ее горла и вдувая воздух в легкие.

Как только трахея очистилась, он поднялся. Пия услышала, как он сплевывает в воду, и поняла, что он избавляется от привкуса ее рвоты.

Когда нормальный ритм дыхания вернулся, Пия открыла глаза. Лесной инспектор и его приятель, лоцман, злобно пялились на нее с катера, облокотившись на поручни, и перешептывались, наблюдая, как она задыхается. Заметив, что она смотрит на них, лесной инспектор начал тыкать пальцем на свои часы и на солнце, которое скользило за горизонт в багровом сиянии. Сначала Пия не уловила смысл его жестикуляции, но когда он принялся махать рукой, как бы подзывая, поняла: приближается темнота, и он хочет, чтобы она поторопилась и вернулась на катер, дабы продолжить путь, куда они там собирались.

Категоричность этого требования разозлила Пию. Этот человек, очевидно, полагал, что у нее нет иного выбора, кроме как следовать его указаниям, что она смирится с любыми требованиями, которые он решит выдвинуть. С самого начала она ощущала угрозу от этого инспектора и его приятеля. Пия понимала, что в данных обстоятельствах вернуться на катер означало бы признать собственную беспомощность. Если она сейчас отдаст себя в их власть, то будет считаться покорной жертвой. Она не могла вернуться на катер – но что еще ей оставалось?

В голове неожиданно мелькнуло слово, как вспышка. Пия села, выпрямившись, и попыталась схватить это слово, удержать, прежде чем оно ускользнет. Рыбак пристроился на корточках на носу, голый, если не считать набедренной повязки. Он сорвал с себя лунги, перед тем как броситься в воду, и мальчик сейчас вытирал ею его мокрую голову. Когда Пия села, мальчик прошептал что-то, и рыбак обернулся. Поспешно, пока слово не успело вылететь из головы, она проговорила: «Лусибари?» Он нахмурился, будто давая понять, что не расслышал, поэтому она повторила: «Лусибари? – И добавила: – Машима?» Тут он кивнул, подтверждая, что ему знакомы эти имена.

Пия вытаращила глаза: неужели он на самом деле знает эту женщину? Чтобы убедиться, она произнесла еще раз: «Машима?» И он еще раз кивнул и улыбнулся – дескать, да, он прекрасно понимает, о ком идет речь. Но Пия все еще не была уверена, до конца ли он понял, о чем она спрашивает. И, дабы не осталось сомнений, показала жестами, указывая сначала на себя, потому на горизонт, объясняя, что хочет, чтобы он отвез ее туда на своей лодке. Рыбак в очередной раз кивнул и добавил, подтверждая: «Лусибари».

– Да. – Она с облегчением закрыла глаза, расслабила живот и глубоко задышала.

Инспектор, стоявший на борту катера, щелкнул пальцами, как будто хотел разбудить Пию. Она поднялась на ноги, оперлась на бамбуковый навес лодки и жестом велела передать ее рюкзаки. Первый он вручил без всяких колебаний, но когда она попросила второй, понял, что девушка не собирается возвращаться на катер. Ухмылка сменилась мрачной гримасой, и он начал орать – не на нее, а на рыбака, который в ответ лишь молча пожал плечами и что-то тихо пробормотал. Это, кажется, еще больше разозлило инспектора, и он принялся грозить рыбаку кулаком.

Пия попыталась вмешаться, тоже заорав:

– Он не виноват. Почему вы на него кричите?

Тут неожиданно к ней присоединился и лоцман. Он тоже начал спорить с инспектором, указывая на горизонт и напоминая о быстро приближающемся закате. Это вновь привлекло внимание к Пии. Инспектор приподнял второй ее рюкзак и многозначительно потер большим пальцем об указательный, намекая, что не отдаст без вознаграждения.

Пия припомнила, что деньги лежат в водонепроницаемом поясе. Потянула молнию и с облегчением обнаружила, что пояс на месте и его содержимое не пострадало. Отсчитала сумму, равную стоимости дневной аренды судна и дневного жалованья инспектора. Потом,

передавая деньги, добавила еще несколько купюр – только чтобы гарантировать скорейшее избавление. Инспектор, не сказав ни слова, схватил деньги и швырнул ей рюкзак.

Она поверить не могла, что сумела избавиться от этих типов. Пия ожидала новых сцен, воплей, очередных требований денег. И, как по заказу, словно демонстрируя, что так легко ей не отделаться, инспектор поднял в воздух ее плеер – он вытащил его из вещей, прежде чем вернуть ей рюкзак. Потом, радуясь ловкой краже, принялся грязно кривляться, дергая тазом и засовывая палец в кулак.

Пия проигнорировала его выходку, как и потерю плеера, она была счастлива, наблюдая, как отходит катер. Затем закрыла глаза в ожидании, когда стихнет рев мотора.

Фонд

Несмотря на свои небольшие размеры, остров Лусибари мог прокормить население в несколько тысяч человек. Некоторые из этих людей были потомками первых поселенцев, прибывших в 1920-е. Другие приехали со следующими волнами, кто-то после раздела субконтинента в 1947-м, кто-то после войны в Бангладеш в 1971-м. А многие появились совсем недавно, когда их насильно выселили с других ближайших островов, освобождая место для реализации проектов по сохранению дикой природы. В результате популяционное давление в Лусибари было таким, что ни клочка земли не оставалось под паром. Зеленые поля, покрывавшие остров, были усеяны россыпями глинобитных хижин и испещрены множеством утоптанных тропинок. Самые широкие из этих троп были даже выложены кирпичом и обсажены рядами казуарин. Но все элементы обычного сельского поселения не могли скрыть тот факт, что жизнь на Лусибари существовала благодаря одной-единственной детали топографии. Это бад, высокая дамба, окружавшая остров по периметру и дважды в день сдерживавшая наводнение.

Комплекс Фонда Бадабон находился на закругленном конце острова, имеющего форму раковины, в километре от деревни Лусибари. Нилима жила там в маленьком здании, которое служило также хостелом для гостей фонда.

Канаи и Нилиме потребовалось некоторое время, чтобы добраться до этого конца острова. Они высадились на илистой отмели около деревни, и к тому времени, как отправились к зданиям фонда, солнце уже начинало садиться. Транспортное средство, которое им предоставили, было Канаи в диковину (в его прошлый приезд ничего подобного на острове не водилось) – велофургон, велосипедная тележка с квадратной платформой, установленной позади сиденья водителя. Платформа служила для перевозки багажа и скота, а также пассажиров, которые сидели, поджав ноги или свесив их с платформы. Поскольку платформа была плоской, без поручней, пассажирам приходилось держаться за нее изо всех сил. Когда повозка наезжала на кочку или попадала в выбоину, все сцеплялись локтями, чтобы не соскользнуть на землю.

– Ты уверена, что мы все поместимся? – усомнился Канаи, разглядывая повозку.

– Разумеется, – сказала Нилима. – Просто залезай, а мы тебя удержим.

Они тронулись, поместив чемодан Канаи среди корзин с овощами и квохчущих кур. Фургон свернул на дорожку, вымощенную кирпичами, многие из которых уже вывалились, и когда колеса попадали в эти дыры, платформа подскакивала, словно намереваясь катапультировать пассажиров. Канаи непременно вылетел бы, если бы остальные не удерживали его на месте, цепляясь за рубашку.

– Надеюсь, тебе будет удобно в нашем хостеле, – с воодушевлением сказала Нилима. – Обстановка у нас очень простая, так что не ожидай никаких роскошеств. Комнату тебе приготовили, а готовый ужин будет ждать на кухне. Я велела одной из наших сестер-практиканток позаботиться о еде для тебя. Если тебе что-нибудь понадобится, просто сообщи ей. Ее зовут Мойна. Она уже, наверное, ждет нас.

При упоминании имени водитель фургона повернулся к ним:

– Машима, вы говорите про Мойну Мандол?

– Да.

– Но в хостеле вы ее не найдете, Машима, – сказал водитель. – Вы еще не слыхали?

– Чего?

– Муж Мойны, парень по имени Фокир, опять пропал. И взял с собой мальчика – их сына. Мойна бегает по всему острову, разыскивает их.

– Нет! Это правда?

– Да, – подтвердили двое пассажиров, энергично кивая.

– Бедная Мойна, – цокнула языком Машима. – Столько у нее проблем из-за этого парня.

Канаи прислушивался к беседе и, видя обеспокоенность на лице Машимы, поинтересовался:

– Это нарушит весь порядок?

– Нет, – успокоила Машима. – Мы справимся так или иначе, непременно. Я просто волнуюсь за Мойну. Этот ее муженек в один прекрасный день сведет ее с ума.

– Кто он такой? В смысле, ее муж?

– Ты его не зна… – Оборвав себя на полуслове, Нилима вдруг схватила Канаи за руку: – Погоди-ка! Вообще-то ты его знаешь – не его, то есть, а его мать.

– Мать?

– Ну да. Помнишь девушку по имени Кушум?

– Конечно. Конечно же, я ее помню. Она была моим единственным другом здесь.

– Точно, – медленно кивнула Нилима. – Теперь я вспоминаю, вы двое вечно играли вместе. В общем, этот парень, о котором мы говорим, – Фокир, да? Он сын Кушум. Он женился на Мойне.

– Это тот, который пропал?

– Да, именно он.

– А как Кушум? Что с ней стало?

Нилима глубоко вздохнула.

– Она сбежала, Канаи, примерно через несколько месяцев после твоего отъезда. Много лет мы ничего о ней не слышали, но затем она вернулась. Это было очень печально.

– Почему? Что случилось?

Нилима закрыла глаза, как будто защищаясь от воспоминаний.

– Ее убили.

– Как?

– Я потом тебе расскажу, – вполголоса проговорила Нилима. – Не сейчас.

– А ее сын? – не отставал Канаи. – Сколько ему было лет, когда Кушум умерла?

– Он был совсем ребенком. Лет пять, наверное. Его вырастил Хорен, родственник.

Внезапно в поле зрения появилось высокое здание, привлекшее внимание Канаи.

– Что это, вон там?

– Это больница. Ты впервые ее видишь?

– Да. Я ведь не был в Лусибари после того, как ее построили.

Каждый из фонарей у входа в больницу был как будто заключен в переливающийся жужжащий нимб. Когда их фургончик проезжал мимо, Канаи увидел, что этот эффект создают облака насекомых. А еще под фонарями кучковались группки школьников, сидевших с раскрытыми учебниками на коленях.

– Это что, электрические фонари? – удивился Канаи.

– Ну да.

– Но я думал, что в Лусибари до сих пор нет электричества.

– У нас здесь на территории есть электричество, – объяснила Нилима. – Но лишь на несколько часов в день, от захода солнца до девяти.

Один из благотворителей фонда, рассказала Нилима, подарил генератор, и каждый вечер на несколько часов технику включают, чтобы персонал мог заняться своими делами и подготовиться к ночному покою. А что касается детей, их тоже влечет сюда свет. Здесь легче учиться, чем дома, и дешевле, поскольку экономятся масло и свечи.

– А мы направляемся вон туда. – Нилима показала на двухэтажное здание, отделенное от больницы прудом и рядом кокосовых пальм.

Выкрашенный в яркие цвета дом напоминал своим жизнерадостным обликом побеленную начальную школу. Гостевые комнаты находятся наверху, пояснила Нилима, а квартира

на первом этаже теперь принадлежит только ей, там они с покойным мужем жили с середины 1970-х. Каморка Нирмола, где хранились все его документы, на самом верху, на крыше.

Спустившись с повозки, Нилима вручила Канаи ключ:

– Этот от дверей кабинета твоего дяди. Поднимись наверх и взгляни – на столе найдешь конверт. Я бы и рада проводить тебя, но слишком устала.

– Я справлюсь, – успокоил тетушку Канаи. – Не беспокойся обо мне. Увидимся утром.

Канаи с чемоданом направился к лестнице, и тут Нилима, спохватившись, крикнула вслед:

– Генератор выключат в девять, так что будь готов. Чтобы тебя не застало врасплох, когда свет погаснет.

Фокир

Только когда катер скрылся из виду, Пия смогла свободно вздохнуть. Но после того, как мышцы расслабились, навалился отложенный шок, которого она подспудно ожидала. Руки и ноги затряслись, подбородок внезапно застучал по коленям; в какой-то момент ее так трясло, что даже лодка заколыхалась, от чего по воде пошла рябь.

Прикосновение к плечу – повернув голову, она увидела мальчика. Тот прильнул к ней сзади, обхватил руками, согревая своим телом. Она закрыла глаза и не открывала, пока зубы не перестали стучать.

Перед ней на корточках сидел рыбак и вглядывался в лицо, вопросительно хмурясь. Постепенно, по мере того как ее дрожь унималась, его лицо расслаблялось в улыбке. Прижав палец к своей груди, он сказал:

– Фокир.

Это явно было его имя, и Пия ответила:

– Пия.

Понимающе кивнув, он повернулся к мальчику и сказал:

– Тутýл.

Потом его указательный палец задвигался, показывая попеременно на мальчика и на него самого, рыбак объяснял, что Тутул – его сын.

Приглядевшись, Пия поняла, что тот даже младше, чем ей сначала показалось, ему, возможно, лет пять. На нем был потрепанный свитер, не защищавший от ноябрьской прохлады, и мешковатые выцветшие шорты, которые, наверное, когда-то были частью школьной формы. В руке Тутул что-то держал, он поднял руку повыше, Пия увидела, что это ее заламинированная карточка. Она понятия не имела, где мальчик ее взял, но обрадовалась, что карточка уцелела. Он протянул ее, держа перед собой, как поднос, и слегка пожал Пии пальцы, словно заверяя, что будет защищать.

Этот жест парадоксальным образом заставил ее осознать свою уязвимость. Чувство было для нее новым – она привыкла быть одна в богом забытых местах, в обществе совершенно незнакомых людей. Но опыт общения с лесным инспектором подорвал ее уверенность в себе, и Пия чувствовала себя так, словно приходит в себя после нападения. А еще она радовалась этому малышу – без него было бы гораздо труднее довериться незнакомцу. Значит, и вправду в каком-то смысле мальчик стал ее защитником. Мысль эта заставила ее сделать то, что было совсем не в ее привычках. Пия никогда не была склонна к проявлениям нежных чувств, но сейчас, в порыве благодарности, раскрыла объятия и прижала к себе ребенка.

Отпуская малыша, Пия заметила, что он пристально смотрит на ее руки – бумажник все еще был зажат в ее пальцах. С виноватым видом она припомнила, что ничего не сказала рыбаку о деньгах. Раскрыв бумажник, она вынула стопку индийских денег и отделила несколько банкнот. Пересчитывая деньги, она вдруг ощутила пристальный взгляд и подняла глаза. Мальчик и мужчина как завороженные следили за движением ее пальцев, точно она показывала замысловатый фокус. Изумление на их лицах было столь велико, что Пия догадалась: интерес вызван вовсе не алчностью, просто они никогда раньше не видели столько денег, столько хрустких купюр. И все же, несмотря на пристальное внимание, Фокир, кажется, не понял, что она отсчитывает деньги для него, и когда Пия протянула ему банкноты, он виновато отшатнулся, как будто это была какая-то контрабанда.

Предложенная в знак благодарности сумма была невелика, не больше, чем Пия заплатила бы где-нибудь за пару сэндвичей и чашку кофе. Ее исследовательский грант был слишком скромен, чтобы проявлять щедрость, но это, по крайней мере, маленький знак внимания, Пия чувствовала себя обязанной Фокиру, и будь у него рубашка, она сунула бы деньги ему в

карман. Однако, помимо мокрой набедренной повязки, на нем не было ничего, только маленький цилиндрический медальон, привязанный шнурком к руке чуть выше бицепса. Не сумев придумать другого способа, она свернула купюры в трубочку и сунула их под медальон. Кожа у Фокира пошла мурашками, и непонятно, была ли это реакция на ее прикосновение или на холодный вечерний ветер.

Фокир вытащил деньги и не сдержал возгласа. Он рассматривал банкноты, отведя руку, словно не верил своим глазам. Затем, махнув в ту сторону, куда скрылся катер, отделил одну банкноту от пачки и поднял над головой. Пия догадалась, что таким образом он сообщает, что принимает эту банкноту в качестве компенсации за деньги, отнятые у него.

Он протянул бумажку сыну, который тут же метнулся под тростниковый навес, чтобы надежно ее спрятать.

Остальные деньги Фокир хотел вернуть, а когда Пия запротестовала, указал на горизонт и повторил слово, которое она сама и произнесла: «Лусибари». Пия поняла, что он откладывает вопрос оплаты до их прибытия в Лусибари, и согласно кивнула.

Письмо

Хостел занимал весь второй этаж, туда вела тесная лесенка. Четыре комнаты, все одинаково обставленные: две узкие койки, стол и стул. Они выходили в более просторное помещение – отчасти коридор, отчасти столовая с кухней. В дальнем конце коридора располагалась единственная во всем здании претензия на роскошь – ванная комната с душем, туалетом и водопроводом. Канаи уже заранее представлял омовения в пруду и испустил вздох облегчения при виде неожиданных удобств.

На обеденном столе стоял судок из нержавейки, Канаи догадался, что внутри его ужин. Очевидно, Мойна, несмотря на все свои хлопоты, не забыла позаботиться о еде для гостя. Осматриваясь дальше, Канаи поставил чемодан в комнате, приготовленной, по-видимому, для него, и направился к лестнице.

Поднявшись на крышу, он был вознагражден чудным видом заката в стране отлива: тянущиеся вдаль реки острова словно выросли из алеющей воды. Обойдя крышу по периметру, Канаи выяснил, что может насчитать не менее шести островов и восьми «рек» в непосредственной близости от Лусибари. А еще он увидел, что Лусибари – самый южный из обитаемых островов, на тех же островах, что лежали дальше за ним, не было ни полей, ни домов – ничего, кроме густых мангровых лесов.

С одной стороны крыши находилась длинная надстройка, крытая жестяными листами, дверь туда была заперта. Это и есть, понял Канаи, кабинет Нирмола. Он отпер дверь ключом, который дала Нилима. Вошел и уткнулся взглядом в нагромождения книг и бумаг. В помещении было только одно окно, Канаи отворил ставни и увидел, что выходит оно на запад, в сторону мохоны Ра́ймонгол[33]. Все на столе под этим окном было разложено так, как удобно Нирмолу, – чернильница, перьевые ручки и старомодный полукруглый пресс-бювар. Под бюваром лежал большой запечатанный конверт с именем Канаи. Конверт был завернут в несколько слоев полиэтилена, склеенных между собой каким-то грубым клеем. Сверху лежал листок бумаги, как будто вырванный из блокнота, на нем рукой дяди было написано не только имя Канаи, но и его старый, двадцатилетней давности, адрес. Канаи пощупал конверт, но не смог определить, что внутри. Вскрыть сразу не удалось – защитные слои упаковки плотно слиплись. Оглядевшись, он заметил на подоконнике половинку бритвенного лезвия. Аккуратно прижал к полиэтилену острый обломок лезвия, осторожно удерживая кончиками пальцев. Разрезав несколько слоев, вскрыл конверт и обнаружил лежащую внутри, словно яйцо в гнезде, маленькую тетрадку в картонной обложке – *кха́та*[34], из тех, что обычно используют школьники. Он удивился, потому что рассчитывал найти стопки разрозненных листов – стихи, эссе, что угодно, но не тетрадку. Раскрыв ее, Канаи увидел, что тетрадка исписана по-бенгальски, почерк Нирмола – убористый, словно для экономии места. Строчки были такими неровными, что невольно создавалось впечатление, будто писали их в большой спешке. Много зачеркиваний и исправлений, слова порой выплескивались на узкие поля. Несмотря на слои полиэтилена, бумага была в пятнах от влаги. Кое-где чернила поблекли.

Канаи пришлось поднести тетрадь поближе к глазам, чтобы разобрать несколько первых букв. В левом верхнем углу дата, написанная по-английски: 15 мая 1979 года, 5:30 утра. И ниже – имя Канаи. Хотя в письме отсутствовали традиционные приветствия, эти страницы определенно были адресованы непосредственно ему, Канаи, в форме какого-то развернутого послания.

Предположение подтвердилось, когда Канаи прочел первые строки.

---

[33] Приливная река с участками соленой воды в Шундарбун.

[34] Блокнот, тетрадь *(бенг.)*.

Я пишу эти слова в том месте, о котором ты, вероятно, никогда не слышал: остров на южной оконечности страны отлива, место, именуемое Мориджапи…

Канаи оторвал взгляд от страницы и мысленно повторил название: Мориджапи. По привычке перевел: «Остров перца».

Вновь опустил взгляд на раскрытую тетрадь.

Часы тянутся медленно, как всегда, когда в страхе ждешь неизвестно чего, это похоже на последние минуты перед приходом циклона, когда забаррикадировался в своем жилище и теперь остается только ждать. Эти минуты никак не заканчиваются, как будто само время замедлилось под действием страха; воздух тяжел и неподвижен.

В иных обстоятельствах я, возможно, попытался бы читать. Но у меня ничего нет с собой, кроме этой тетрадки, шариковой ручки, карандаша и экземпляра «Дуинских элегий» Рильке, в английском и бенгальском переводе. Впрочем, и в предшествующие часы чтение не было возможным, поскольку сейчас рассвет, а я нахожусь в крытой тростником хижине, где нет свечей. Сквозь щель в бамбуковой стене я вижу Го'рал, одну из рек, омывающих этот остров. Солнце показалось на востоке и, словно приветствуя его, прилив тоже начал стремительно подниматься. Окрестные острова постепенно погружаются под воду, и вскоре, подобно айсбергам в холодных морях, они будут почти полностью скрыты, только верхушки самых высоких деревьев останутся на виду. Илистые отмели и переплетенные корни, удерживающие их, уже превратились в призрачные пятна, поблескивающие под поверхностью, словно пучки взбаламученных волнами водорослей. Вдали видна стая цапель, летящих над водой в преддверии грядущего потопа, – согнанные с тонущего острова, они взмыли в воздух в поисках более безопасного насеста. Иными словами, это рассвет, который прекрасен так, как может быть прекрасен только рассвет в стране приливов.

Хижина эта мне не принадлежит, я здесь гость. Она принадлежит человеку, которого ты знаешь, – Кушум. Она почти год прожила здесь со своим сыном.

Глядя на открывающуюся передо мной картину, я не могу не задумываться, каково было им – Фокиру и Кушум – просыпаться и наблюдать подобное зрелище большую часть года. Стало ли это хоть какой-то наградой за все, что им пришлось пережить? Кто осмелится предположить, что ему известен ответ? Сейчас, затаившись в ожидании, я могу думать лишь о словах Поэта:

С красоты начинается ужас.
Выдержать это начало еще мы способны;
Мы красотой восхищаемся, ибо она погнушалась
Уничтожить нас[35].

Всю ночь напролет я спрашивал себя: чего же именно я боюсь? Сейчас, с восходом солнца, я понял: я боюсь, потому что знаю, что после того, как буря утихнет, события, предшествовавшие ей, будут забыты. Никто лучше меня

[35] Р. М. Рильке, «Дуинские элегии», элегия первая (перевод В. Б. Микушевича).

не знает, насколько искусно страна приливов скрывает под слоем ила свое прошлое.

Я ничего не могу сделать, дабы воспрепятствовать грядущему. Но когда-то я был писателем, потому, возможно, я хотя бы сумею сделать так, чтобы то, что произошло здесь, оставило след, какую-то зацепку в памяти мира. Мысль об этом, наряду с предшествовавшим ей страхом, позволила сделать то, на что я не мог решиться в минувшие тридцать лет, – вновь взяться за перо.

Я не знаю, сколько у меня времени, – возможно, не больше, чем наступивший день. Но за это время я постараюсь написать все, что могу, в надежде, что каким-либо образом эти слова найдут путь к тебе. Ты спросишь: почему я? Сейчас мне достаточно сказать лишь одно: это не моя история. Она касается единственного друга, которого ты обрел здесь, в Лусибари, – Кушум. Если не ради меня, то ради нее читай дальше.

Лодка

Пятиметровая лодочка Фокира была достаточно широкой посередине, чтобы там могли устроиться два человека, присев на корточки бок о бок. Оглядевшись, Пия поняла, что лодка – по сути, плавучая хижина, сооруженная из обломков бамбука, щепы и рваных кусков полиэтилена. Неструганые доски внешней обшивки были промазаны чем-то вроде смолы. Палуба сделана из фанерных дощечек от старых чайных ящиков, на некоторых еще сохранились остатки маркировки. Этот импровизированный палубный настил не был приколочен, планки опирались на небольшой выступ и свободно елозили туда-сюда. Под палубой оставалось место для груза, а еще видно было, как в небольшом отсеке в носовой части в мешанине из мангровых веток и гниющих водорослей ползают крабы. Здесь хранился дневной улов – растительность обеспечивала влагу для крабов и мешала им разорвать друг друга.

Полукруглый тент на корме лодки, сооруженный из соломы и изогнутых бамбуковых шестов, был достаточно велик, чтобы укрыть от дождя и солнца пару человек. Для защиты от влаги между дугами и соломой проложен лист крапчатого серого полиэтилена. Пия узнала маркировку: почтовый мешок, такой она сама часто использовала для отправки корреспонденции из Штатов. В кормовой части лодки, между навесом и изогнутым ахтерштевнем, располагался маленький плоский помост, накрытый деревянной доской с подпалинами.

Палуба под навесом скрывала еще один трюм, и когда Фокир отодвинул планки, Пия увидела, что это нечто вроде аналога буфета и комода. От носовой части он был отделен внутренней перегородкой и грубо, но эффективно защищен от воды куском синего брезента. Тут хранился небольшой, аккуратно упакованный тюк с сухой одеждой, а также кухонная утварь, еда и питьевая вода. Фокир извлек из этой конурки кусок сложенной ткани, встряхнул его, и Пия увидела дешевое сари с набивным рисунком.

Последовавшие затем манипуляции сперва озадачили Пию. Отослав Тутула на нос, Фокир подхватил ее рюкзаки и уложил их под навесом. Потом выскользнул наружу и жестом предложил ей войти. Как только Пия протиснулась внутрь, он завесил вход тканью сари, скрывая ее от их взглядов.

Пия не сразу сообразила, что таким образом Фокир создал для нее укрытие, чтобы можно было спокойно сменить промокшую одежду. Осознав это, она сначала немного смутилась, что именно он позаботился о благопристойности, а ей это и в голову не пришло. Но сама мысль об этом – даже слово «благопристойность», рождающее ассоциации с трепещущими вуалями и юмористическими колонками в старых журналах, – вызывала улыбку: после многих лет совместных душевых в общежитиях и жизни рядом с мужчинами в тесных каютах такая забота о приличиях казалась забавной, но одновременно почему-то и трогательной. Дело не только в том, что он задумал создать пространство для нее, – он как будто решил включить ее в некий простой и привычный семейный ритуал, нашел способ дать ей понять, что, несмотря на неизбежную немоту в их общении, она для него человек, а не, так сказать, представитель биологического вида, безликая и безъязыкая иностранка. Но отчего родилось это признание? Он ведь, наверное, никогда прежде не встречал никого, похожего на нее, как и она никогда не встречала никого, подобного ему.

Закончив переодеваться, она коснулась сари. Перебирая ткань пальцами, Пия точно могла сказать, что она пережила множество суровых стирок. Пия помнила это ощущение. Точно такими же на ощупь были сари ее матери, которые та носила дома в Сиэтле, – мягкая, мятая, изношенная почти до прозрачности ткань. Когда-то они вызывали у нее огромную досаду, эти выцветшие сероватые сари, – невозможно пригласить друзей в дом, где мать одета в нелепое нечто, напоминающее старые простыни.

Кому принадлежало это сари? Его жене? Матери мальчика? Это одна и та же женщина? Любопытно, конечно, однако Пия не особенно сожалела, что ей не хватает средств общения, чтобы это выяснить. В каком-то смысле это было облегчением – избавиться от ответственности, которая приходит вместе со знанием подробностей чужой жизни.

Выбравшись из-под навеса, Пия увидела, что Фокир уже вытянул якорь и устанавливает весла. Он тоже переоделся и даже причесался, разделив волосы пробором. Смыв с лица соль, он оказался очень молодым, почти юным. Надел выцветшую желто-оранжевую футболку и свежую лунги. Старую – ту, которая была на нем, когда Пия впервые заметила его в бинокль, – он вывесил сушиться на носу лодки.

Солнце тем временем начинало садиться, и разноцветная комета пронеслась над горизонтом и, пылая, вонзилась в сердце мохоны. Стремительно надвигалась темнота. Пия понимала, что вскоре им придется искать место для ночлега, поскольку лодка такого размера могла отыскать путь в водном лабиринте только при свете дня. Видимо, Фокир уже выбрал якорную стоянку, а теперь старался добраться туда как можно скорее.

Лодка начала движение, Пия встала и принялась вглядываться в воду перед носом суденышка. Окуляры бинокля смягчали очертания, уменьшая чувство дезориентации. Покачивания лодки ничуть не нарушали размеренной точности ее движений, бинокль следовал своим курсом, поворачивая справа налево и обратно, устойчивый, как луч маяка. За годы практики тело Пии адаптировалось к подобным плаваниям, она научилась сохранять равновесие почти без усилий, инстинктивно сгибая колени в ритм качки.

Больше всего в своей работе Пия любила именно это – вести наблюдения на воде, когда влажный ветер овевает лицо. Снаряжение у нее всегда было под рукой, и скалолазный пояс на талии она приспособила так, чтобы крючки служили для крепления планшета и нескольких инструментов. Первым и самым важным из них был навигатор GPS. Прибор записывал ее передвижения с точностью до метра и секунды. С его помощью она могла при необходимости найти путь в открытом океане, вернуться к тому месту, где в определенный момент определенного дня заметила плавник дельфина, прежде чем он скрылся под водой.

Помимо навигатора, имелись еще дальномер и эхолот, который мог точно определять глубину. Хотя все эти приборы были важны для ее работы, ни один не был настолько ценным, как бинокль, висевший на шее. Пии пришлось порядком опустошить карман, чтобы купить его, но деньги были потрачены не зря. Пусть корпус выгорел на солнце и потускнел, изъеден солью, исцарапан песком, но защита от влаги работала отменно. Спустя шесть лет непрерывного использования линзы по-прежнему обеспечивали четкое изображение. Левый окуляр имел встроенный компас, показания которого отображались на линзе. Это позволяло Пии корректировать движения так, чтобы поле зрения охватывало ровно сто восемьдесят градусов.

Пия приобрела бинокль задолго до того, как он ей действительно понадобился, когда отучилась всего год в аспирантуре Скриппсовского океанографического института в Калифорнии[36]. Хотя тогда время еще не пришло, у Пии не было никаких сомнений по поводу покупки, к тому моменту она уже точно знала, чем будет заниматься в ближайшие годы. Она хотела убедиться, что нашла лучшее, и пролистала десятки каталогов, прежде чем сделать покупку.

Когда посылка прибыла, Пия удивилась ее весу. В то время она жила в комнате, окна которой выходили на одну из самых оживленных улочек кампуса. Она стояла у окна и направляла бинокль на кучки студентов внизу, настраивая фокус на лица, даже на книги и газеты, и приходила в восторг от четкого разрешения и яркой картинки. Пия попробовала поводить прибором из стороны в сторону и была удивлена, каких усилий это потребовало, – оказывается, нельзя совершить поворот на сто восемьдесят градусов, просто повернув голову, движе-

[36] Исследовательский институт Скриппс, расположенный в Сан-Диего, специализируется на исследованиях в области биологии и медицины.

ние должно было задействовать все тело, начиная от лодыжек, и продолжиться в бедрах и плечах, а поворот головы – лишь завершающая фаза. Уже через несколько минут она устала, руки начали ныть. Сможет ли она удерживать такой вес в течение двенадцатичасового рабочего дня? Это представлялось невозможным. Как они это делают, остальные?

Пия привыкла быть карликом по сравнению со сверстниками. В детстве и юности она всегда была самой маленькой среди ровесников. Но никогда в жизни она не чувствовала себя такой крошечной, как в тот день в Ла Хойа[37], когда вошла на свою первую лекцию по цетологии – «малек среди наблюдателей за китами», как сказал один из преподавателей. Все остальные были настоящими атлетами, худощавыми и мускулистыми. Особенно женщины – они как будто выросли на теплых сияющих пляжах для серфинга в Южной Калифорнии, на Гавайях или в Новой Зеландии, а позже взрослели, занимаясь дайвингом, снорклингом, греблей на каяках и каноэ, играя в пляжный волейбол. Золотистый загар, легкий пушок на предплечьях серебрится, точно кварцевая пудра. Пия никогда не интересовалась спортом, и это усиливало ее чувство отчужденности. Она стала своеобразным талисманом кафедры – «маленькая девочка из Восточной Индии».

И только в первом исследовательском рейсе вдоль берегов Коста-Рики ее сомнения в собственных силах развеялись. Первые несколько дней они ничего не видели, и Пия страдала от тяжести бинокля – до такой степени, что коллеги, сжалившись над ней, позволяли лишний раз обращаться к «Большому Глазу», стационарному палубному биноклю. На четвертый день они настигли то, что поначалу посчитали небольшой стаей из пары десятков серых акул. Но количество их продолжало расти, от двадцати до ста, а потом, кажется, до семи тысяч – их было так много, что точное число невозможно было оценить, они заполнили морскую гладь от горизонта до горизонта, так что даже белые гребни волн, казалось, терялись на фоне блестящих заостренных морд и сверкающих спинных плавников. Вот тогда Пия и узнала, как это бывает – как в определенный момент вес бинокля уже не имеет значения. Дело не только в том, что руки налились мышцами, но и в том, что картинка в окулярах была столь четкой и яркой, что об остальном она попросту забывала, в том числе и об усталости.

[37] Университетский район Сан-Диего.

Нирмол и нилима

Нирмол и Нилима Боус впервые приехали на Лусибари в поисках тихой гавани. На дворе стоял 1950-й, они поженились меньше года назад.

Нирмол был родом из Дакки, в Калькутту же приехал в качестве студента. События раздела Индии[38] разлучили его с семьей, и он решил остаться в Калькутте, где сделал себе имя как левый интеллектуал и подающий надежды писатель. Он преподавал английскую литературу в Ашутош-колледже[39], когда их пути с Нилимой пересеклись: она была студенткой одного из его курсов.

Жизненные обстоятельства Нилимы кардинально отличались от судьбы Нирмола. Она происходила из семьи, хорошо известной своими традициями государственной службы. Ее дед был одним из основателей партии Конгресс[40], а отец (дедушка Канаи) – видным барристером в Верховном суде Калькутты. Подростком Нилима перенесла тяжелую астму, и потому, когда пришло время отправлять ее в колледж, семья решила избавить ее от тягот долгих ежедневных поездок на учебу и обратно. Они записали ее в Ашутош-колледж, который находился всего в нескольких минутах езды от их дома в Баллигандж-Плейс[41]. Семейный «паккард» отвозил ее по утрам и забирал после обеда.

Однажды Нилима отослала водителя под каким-то предлогом и последовала за своим учителем английского на автобус, как если бы свет идеализма в его глазах был пламенем, а она – мотыльком. Девушки в их группе поголовно были очарованы зажигательными лекциями и страстными декламациями Нирмола, и хотя некоторые утверждали, что влюблены в него, ни у одной не нашлось смелости и находчивости Нилимы. В тот день в автобусе она умудрилась сесть рядом с Нирмолом и уже через несколько месяцев объявила шокированным родным, что знает, за кого хочет выйти замуж. Сопротивление семьи только укрепило ее решимость, и в 1949 году юная пара заключила брак на простой гражданской церемонии. Свадьбу вел один из товарищей Нирмола, а торжественность момента отметили чтением Блейка, Маяковского и Джи́боно́ндо Да́ша[42].

Не прошло и месяца со дня свадьбы, как в дверь их крохотной квартирки на Мудиали[43] постучалась полиция. Годом ранее Нирмол участвовал в конференции, созванной Социалистическим интернационалом в Калькутте. (Рассказывая эту историю, Нирмол в этом месте делал паузу, дабы отметить, что конференция стала одним из ключевых событий послевоенного мира. В течение двух десятилетий западные спецслужбы и их партнеры должны были отслеживать каждое крупное выступление в Азии – государственный переворот во Вьетнаме, Малайская война, гражданская война в Бирме и многие другие, вплоть до политики «вооруженной борьбы», принятой в Калькутте в 1948-м. Не было причин, добавлял он, почему кто-то должен знать или помнить об этом, однако в стране приливов, где жизнь протекала на обочине более великих событий, полезно напоминать, что не существует мест настолько удаленных, чтобы можно было избежать потопа истории.)

Роль Нирмола в конференции была невелика, он выступал лишь гидом и помощником бирманской делегации. Но сейчас, когда в Бирме бушевал коммунистический мятеж, властям хотелось знать, нельзя ли извлечь некоторой выгоды из его бирманских контактов.

---

[38] Процесс разделения бывшей Британской Индии на независимые государства, сопровождавшийся кровопролитными столкновениями и массовыми миграциями населения.

[39] Гуманитарный факультет в составе Калькуттского университета.

[40] Индийский национальный конгресс (ИНК) – старейшая и одна из ведущих политических партий Индии.

[41] Фешенебельный район Колката.

[42] Великий бенгальский поэт первой половины XX века.

[43] Улица на окраине Колката.

Хотя его задержали всего на пару дней, этот опыт оказал крайне разрушительное влияние на Нирмола, став последней каплей после конфликта с семьей Нилимы и разлуки с его собственной семьей. Он не мог заставить себя пойти в колледж, и бывали дни, когда он даже не вставал с кровати. Понимая, что в муже что-то сломалось, Нилима сдалась на милость родных и отправилась повидаться с матерью. Хотя брак ей так и не простили, семья пообещала помочь чем смогут. По просьбе отца Нилимы Нирмола навестили два врача, которые заключили, что ему полезно провести некоторое время за городом. Эту точку зрения разделяли и товарищи Нирмола, пришедшие к выводу, что он слишком хрупок психологически, чтобы принести пользу их делу. Нилима, со своей стороны, приветствовала идею держаться подальше от большого города – и по причине своей астмы, и ради Нирмола. Проблема заключалась в том, куда податься. Так получилось, что отец Нилимы занимался какими-то делами Гамильтон-Эстейт и узнал, что управляющие поместья ищут учителя для школы в Лусибари.

Сэр Дэниэл Гамильтон умер в 1939-м, и с того времени поместье перешло в собственность его племянника, Джеймса Гамильтона. Новый владелец жил на острове Арран в Шотландии и вплоть до вступления в наследство никогда не бывал в Индии. После кончины сэра Дэниэла он нанес краткий визит в Госабу, но из практических соображений все поместье находилось в ведении управляющих, потому, если отец Нилимы замолвит словечко, Нирмол наверняка получит это место.

Поначалу Нирмол ужаснулся при мысли, что его имя будет ассоциироваться с предприятием, основанным крупным капиталистом, но после долгих уговоров Нилимы в конце концов согласился посетить Госабу с ознакомительным визитом. Они отправились в поместье вместе, и их пребывание случайно совпало с ежегодным празднованием дня рождения основателя. К своему изумлению, они обнаружили, что это событие отмечается с соблюдением многих церемониальных атрибутов *пуджи*. Статуи сэра Дэниэла, во множестве расставленные по всему поместью, украсили гирляндами, покрыли киноварью и отметили другими символами почтения. В глазах местного населения визионер-шотландец явно был если не совсем божеством, то, несомненно, почитаемым духом предка. Слушая воспоминания поселенцев об основателе-идеалисте, Нирмол и Нилима вынуждены были пересмотреть свой первоначальный скептицизм. Им стало стыдно, что этот человек – иностранец, *бурра сахиб*[44], богатый капиталист – взял на себя задачу разрешить проблему сельской бедности, в то время как они сами, несмотря на все свои радикальные заявления, почти ничего не знали о жизни за пределами города.

На принятие решения у них ушло всего два дня. Даже не ступив на землю Лусибари, они условились, что проведут на острове пару лет. Они вернулись в Калькутту, собрали вещи и уехали сразу, как закончился сезон муссонов.

Первые месяцы на острове они пребывали в состоянии, близком к шоку. Ничего привычного, все вокруг было внове. То немногое, что они знали о сельской жизни, было почерпнуто из быта деревень на равнинах, реальность же страны отлива оказалась невероятной и непостижимой. Как могло случиться, что об этих островах, всего в девяноста семи километрах от дома, настолько мало известно? Как вышло, что люди столько рассуждали об исконных традициях сельской Индии, но практически никто не знал об этом совершенно другом мире, где невозможно определить, кто есть кто и к каким кастам, религиям и верованиям принадлежат здешние жители? И где же общее богатство Республики Кооперативного Кредита? Что стало с ее валютой и банками? Где золото, которое должно было быть извлечено из ила страны приливов?

Нищета этого края была такой, что напомнила им о страшном голоде, опустошившем Бенгалию в 1942-м, – разве что в Лусибари голод и катастрофа стали образом жизни. Они узнали, что даже за десятилетия земля не была полностью очищена от соли. Почва давала бедные урожаи, и ее нельзя было возделывать круглый год. Большинство семей могли поесть

[44] Искаженное «буржуа».

лишь один раз в день. Несмотря на весь труд, вложенный в дамбы, периодически случались прорывы из-за наводнений и штормов, и каждое такое подтопление делало землю бесплодной на несколько лет. Изначально здесь поселились в основном земледельцы, которых привлекли в Лусибари обещания бесплатных земельных участков. Голод вынуждал их охотиться и ловить рыбу, и результаты зачастую были гибельными. Многие утонули, а еще больше стали жертвами крокодилов и водившихся здесь акул. Мангровые леса тоже не представляли непосредственной ценности для человека – однако тысячи мужчин рисковали жизнью, чтобы собрать мизерное количество меда, воска, дров и кислых плодов дерева кевра. Казалось, ни дня не проходило без известия, что кого-то убил тигр, крокодил или змея.

Что касается школы, то, кроме крыши и стен, она мало что могла предложить. Поместье было почти разорено. На медицину, образование и общественные нужды якобы выделяли средства, однако практических подтверждений этому не было заметно. Ходили слухи, что эти деньги пошли управляющим, а их прихвостни жестоко избивали поселенцев, которые пытались протестовать. Методы здесь применялись как в исправительной колонии, а атмосфера напоминала атмосферу концлагеря.

Они не ожидали утопии, но и не представляли такой нищеты. Столкнувшись лицом к лицу с ситуацией, молодые люди поняли, что на самом деле означает вопрос «Что делать?».

Нирмол, потрясенный, читал и перечитывал памфлет Ленина, не находя никаких однозначных ответов. Нилима, всегда более практичная, начала разговаривать с женщинами, которые собирались у колодцев и прудов.

Спустя несколько недель пребывания в Лусибари Нилима обратила внимание, что поразительно многие женщины острова носят вдовьи одежды. Этих женщин легко было заметить по простым белым сари и отсутствию украшений – никаких браслетов и хны. У колодцев и *гхáтов*[45] часто, казалось, толпились только вдовы. Расспрашивая, Нилима узнала, что в стране отлива девочек воспитывали в убеждении, что если они и выйдут замуж, то овдовеют лет в двадцать – или в тридцать, если очень повезет. Это убеждение было вплетено, подобно темной шерстяной нити, в ткань их жизней. Когда мужчины отправлялись на рыбалку, жены, по обычаю, переодевались во вдовьи одежды, они снимали брачные красные и надевали белые сари, сбрасывали браслеты и смывали хну, словно пытались отогнать беду, вновь и вновь переживая ее. Или это был способ подготовиться к тому, что они считали неизбежным?

Было в этом нечто чудовищное, приводившее Нилиму в ужас. Она знала, что для ее матери, сестер, для ее подруг намеренный отказ от этих символов брака был бы немыслим, равносилен пожеланию смерти своим мужьям. Даже она, считавшая себя революционеркой, не могла разомкнуть брачные браслеты, как не могла вонзить кол в сердце мужа. Но для этих женщин воображаемое ранее вдовство не было бессмысленным: опасности жизни в стране приливов были так велики, столько людей погибло в юности, особенно мужчин, что судьба, к которой они себя готовили, настигала практически каждую без исключения. Правда, здесь, на окраинах индуистского мира, вдовы не были обречены на пожизненную утрату, они могли еще раз выйти замуж, если пожелают. Но там, где мужчин брачного возраста совсем мало, это почти ничего не значило. В этих краях, как узнала Нилима, вдовство – даже в большей степени, чем на материке, – зачастую означало пожизненную зависимость и годы унижений и эксплуатации.

Как же следует относиться к этим женщинам и их тяжкой доле, как их называть? В поисках собирательного существительного Нилима хотела было остановиться на слове *срени,* класс. Но Нирмол и слушать не желал. Рабочие – это класс, сказал он, но рассуждать о вдовах рабочих как об отдельном классе означает вводить ложное и необоснованное деление.

Но если не класс, то кто они тогда?

[45] Причал, пристань, ступени, ведущие к реке.

И вот когда реальность вступила в конфликт с ее словарем, на Нилиму снизошло озарение. Неважно, кем они были, важно, что они не должны оставаться тем, кем являются сейчас. Она познакомилась с вдовой, жившей рядом со школой, молодой женщиной двадцати пяти лет. И однажды спросила, не согласится ли та съездить в Госабу, купить мыла, спичек и продуктов. Лавочники в Лусибари цены установили непомерные, и даже после оплаты проезда на пароме женщины экономили значительную сумму. Половину этих денег они могли оставить себе. Крошечный росток этой идеи привел к основанию Мохи́ла Ша́нготхо́н (Женского союза) острова, а в итоге – Фонда Бадабон.

Через несколько лет после прибытия в Лусибари Нирмола и Нилимы *заминдари*[46] упразднили, а крупные земельные владения разделили по закону. То, что осталось от поместья Гамильтон, вскоре было разорено судебными исками. Союз же, основанный Нилимой, продолжал развиваться, привлекая все больше и больше членов и предлагая все большее количество услуг – медицинских, юридических, сельскохозяйственных. В какой-то момент движение настолько разрослось, что его пришлось реорганизовать, и вот тогда был создан Фонд развития Бадабон.

Нирмол отнюдь не поддерживал целиком и полностью усилия Нилимы, для него они несли на себе неизгладимое клеймо «социального обеспечения», – но именно он придумал фонду название, которое происходило от бенгальского слова «мангры».

Слово *бадабон* нравилось Нирмолу. Ему нравилось напоминать, что, как и английское «бедуин», *бадабон* происходит от арабского *бадийя,* что означает «пустыня». «Но „бедуин“ – это просто англицизм от арабского, – говорил он Нилиме, – в то время как слово на бангла объединяет в себе арабский и санскритский корни, *„бада“* и *„бон“,* то есть „лес“. Как будто само слово – остров, рожденный от встречи двух языковых рек, как страна приливов рождается от слияния Ганги и Брахмапутры. Разве может быть лучшее название для твоего фонда?» Вот так и было выбрано название.

Одним из первых решений Фонда Бадабон было приобретение участка земли во внутренней части острова. Там в конце 1970-х были построены его больница, мастерские, офисы и хостел для гостей. Но в 1970 году, когда Канаи впервые приехал сюда, впереди предстояли еще многие годы работы. В то время собрания Женского союза еще проходили во дворе бунгало Нирмола. Там-то Канаи и встретился с Кушум.

[46] Земельно-налоговая система в Британской Индии, при которой верховным собственником земли были колониальные власти.

Стоянка

В сумерках лодка подплывала к повороту, ведущему в широкий канал. Дальний берег, в нескольких километрах отсюда, уже скрылся в темноте, но посреди реки стояло на якоре нечто, похожее на плавучий частокол. В бинокль Пия разглядела, что на самом деле это скопление из шести рыбацких лодок, видом и размером похожих на ту, в которой сидела она сама. Лодки были крепко, борт к борту, связаны друг с другом, против течения их удерживала целая связка канатов. Хотя они находились на расстоянии больше километра, бинокль позволял в подробностях рассмотреть людей. Кто-то сидел в одиночестве, покуривая *биди,* другие пили чай или играли в карты, некоторые стирали или мыли посуду, зачерпывая воду ведрами прямо из реки. Над лодкой, закрепленной в центре, поднимались клубы дыма, и Пия догадалась, что там готовят общий ужин. Зрелище было одновременно знакомым и странным. Она вспомнила прибрежные деревушки на Меконге и Иравади, там тоже при приближении ночи время как будто одновременно ускорялось и замирало, в сумерках лениво тянулись вверх спирали дыма, а купальщики спешили к берегу, чтобы смыть дневную пыль. Но разница состояла в том, что эта «деревня» отделилась от берега и застряла посреди реки. Почему?

Завидев лодки, Тутул вскрикнул и тут же о чем-то оживленно заговорил с отцом. Похоже, оба узнали суденышки этой маленькой флотилии. Может, это лодки их друзей или родственников? Пия достаточно времени провела на реках, чтобы знать, что люди, живущие на их берегах, редко бывают чужими друг другу. Фокир и его сын почти наверняка знали обитателей этой плавучей деревни и знали, что им там будут рады. Скорее всего, для них это стало бы лучшим завершением дня – можно обсудить дневные события и похвастаться иностранкой, оказавшейся их спутницей. Наверное, в этом и состоял план – встать на якорь здесь, среди друзей.

Когда лодка повернула, Пия убедилась, что так оно и есть, и поневоле задумалась о предстоящих долгих часах. У нее был обширный опыт подобных историй, она участвовала во множестве речных экспедиций, где дни завершались неожиданными встречами такого рода. Она знала, что будет дальше, – удивление, вызванное ее присутствием, вопросы, объяснения, слова приветствия, которых она не понимала, но на которые надо ответить с вынужденной доброжелательностью. Эта перспектива тревожила ее, но не потому что она беспокоилась о безопасности – Пия знала, что ей нечего бояться этих рыбаков, – а потому что сейчас она хотела лишь оставаться в этой лодке, на этом маленьком островке тишины, плывущем по безмолвию реки. Она едва сдерживала себя, чтобы не взмолиться и не начать уговаривать Фокира двигаться дальше, прижаться к берегу и спрятаться в лодке.

Разумеется, ничего подобного нельзя было говорить, даже если бы у нее нашлись слова, и именно оттого, что ничего не было сказано, она была застигнута врасплох, когда увидела, что лодка сворачивает как раз в том направлении, на которое она надеялась. Фокир вел лодку прочь от плавучей деревни, скользя в тени берега. Пия ни малейшим движением не выдала своего облегчения, и ее опытные руки не дрогнули, удерживая бинокль у глаз, но внутри словно радостно запрыгал ребенок, радующийся неожиданному угощению.

Когда погас последний проблеск дневного света, Фокир завел лодку в протоку, которую отлив превратил в укромную бухту, и бросил якорь. Ясно, что в темноте они не могли двигаться дальше, но все же что-то в его поведении подсказало Пии, что он разочарован – что он присмотрел другое место для стоянки и досадовал на себя, что не добрался туда.

Теперь, когда они встали на якорь, оставив позади все сюрпризы минувшего дня, на лодку опустилось чувство неспешной апатии. Фокир поднес спичку к закопченной лампе, зажег биди от пламени. Докурив папиросу дотла, он прошел на корму и жестами показал Пии, как можно загородить квадратную площадку в кормовой части, чтобы использовать это место как уборную и ванну. Подавая пример, он набрал ведро воды и принялся купать Тутула, используя

солоноватую речную воду, чтобы намылить мальчика, а затем экономно смывая пену пресной водой из канистры.

С заходом солнца ночь стала прохладной, и мальчик, мокрый с головы до ног, дрожал. Вытащив кусок клетчатой ткани, Фокир тщательно вытер сына, прежде чем укутать в одежду. Это полотенце было сделано из красного хлопка, Пия видела на лодке еще несколько похожих вещей, они казались ей смутно знакомыми, но она не могла припомнить откуда.

Как только Тутул закончил одеваться, настала его очередь мыть отца. Фокир разделся до набедренной повязки, и Тутул обрушил потоки холодной воды ему на голову под аккомпанемент громкого смеха и веселых воплей. Пия увидела кости, выступающие на грудной клетке Фокира, они торчали под кожей, как ребра жестянки, с которой содрали этикетку. Вода рисовала узоры на его теле, стекала струями, словно падая с ярусов фонтана.

Когда отец с сыном завершили омовения, для Пии зачерпнули полное ведро воды и отгородили укрытие старым сари. В тесноте лодки непросто было поменяться местами, всем троим невозможно было одновременно удержаться на ногах, поэтому приходилось ложиться ничком и пролезать под навес, сталкиваясь локтями, бедрами и животами, а Фокир старательно придерживал лунги, чтобы не задиралось. Когда они протискивались мимо друг друга, Пия поймала его взгляд и оба рассмеялись.

Оказавшись на дальнем конце лодки, Пия увидела, что река поблескивает, словно ртуть. Все звезды, кроме самых ярких, скрыты луной, и, если не считать их единственной лампы, вокруг ни огонька – ни на суше, ни на воде. И ни звука, лишь плеск воды, ибо берег был так далеко, что даже лесных насекомых не слыхать. Пия никогда еще не видела, чтобы человеческий след был настолько эфемерным, почти неразличимым, разве что в открытом море. Однако, оглядев свою крошечную «ванную» при желтом свете лампы, Пия обнаружила, что удобства значительно превосходят ее ожидания. Целых полканистры пресной воды, а рядом ведро, полное солоноватой воды из реки, на подставочке кусок мыла, а возле него крошечный, но поразительный предмет – пластиковый пакетик шампуня. Она видела целые гирлянды таких, свисающих в чайной в Каннинге, но все равно, когда взяла шампунь в руки, его наличие показалось странно неуместным. Она бы и выбросила его, но вот только знала, что здесь, на острове, которым стала лодка, пакетик был своего рода сокровищем (за сколько крабов он был куплен?) и что положен он в ее честь. Выбросить его означало бы пренебречь подношением, поэтому, хотя ей меньше всего хотелось сейчас пользоваться шампунем, она нанесла немного на волосы и смыла, надеясь, что по пузырям, плывущим по воде, они догадаются, что она приняла дар и воспользовалась им.

И только когда она задрожала от холода, скорчившись на корточках на мокрых досках и обхватив колени, Пия вспомнила, что у нее нет ни полотенца, ни чего-нибудь еще, чтобы вытереться. Однако дальнейшие поиски показали, что даже это предусмотрено: на бамбуковом навесе для нее был оставлен один из прямоугольников клетчатой ткани. Ткань была сухая, то есть пролежала там уже некоторое время. Когда Пия взяла материю в руки, у нее возникло ощущение, что это та самая набедренная повязка Фокира, в которой он за ней нырнул. Она знала, что эти куски ткани служат для многих целей, и, поднеся ее к носу, почувствовала, будто вдыхает жар солнца и металлический запах илистой реки, а также солоноватость его пота.

Она вспомнила, где видела раньше такое полотенце – оно было привязано к дверной ручке отцовского гардероба, в квартире на одиннадцатом этаже, где прошло ее детство. За годы ее взросления ткань состарилась и выцвела, и Пия выбросила бы ее, если б не протесты отца. Вообще-то он совершенно не был сентиментален, особенно если дело касалось «дома». Там, где другие стремились сохранить воспоминания о «старой стране», он всегда старался стереть их. Ноги его стоят в настоящем, любил он говорить, имея в виду, что ноги прочно утвердились на ступенях карьерной лестницы его компании. Но когда Пия спросила, можно ли выбросить этот истлевший кусок старой тряпки, он был потрясен до глубины души. Он с ним уже много

лет, сказал отец, это почти часть его тела, как волосы или обрезки ногтей, его удача вплетена в эту ткань, он и помыслить не может, чтобы расстаться с ней, выбросить это… Как же он это назвал? Когда-то Пия знала слово, но время стерло его из памяти.

Кушум

С дальнего конца крыши гостевого дома Канаи видно было весь остров до школы Гамильтона и даже дальше, до того места, где когда-то стоял дом Нирмола. Дома не сохранилось, но образ его, мелькавший в памяти, был не менее реален, чем недавно построенное на этом месте общежитие для школьников. Хотя здание всегда называли бунгало, по размерам, конструкции и пропорциям оно было деревенской хижиной. Стены и полы из дерева, нигде ни кирпичика, ни единого цементного пятна. Сооружение, поддерживаемое короткими толстыми сваями, стояло примерно в футе над землей, поэтому пол был неровным и наклон менялся в зависимости от сезона, проседая во время дождей, когда земля становилась сырой, и выравниваясь в сухие зимние месяцы.

В бунгало имелось две полноценные комнаты, из которых одна была спальней, а вторая – своего рода кабинетом, которым пользовались и Нирмол, и Нилима. Для Канаи в кабинете поставили раскладушку, и, как и настоящая кровать, она была постоянно накрыта плотной противомоскитной сеткой. Москиты были самыми безопасными из всех созданий, которых сетка призвана была отпугнуть, и ее отсутствие днем или ночью стало бы приглашением для змей и скорпионов устроиться меж простынями. Говорили, что в хижине возле пруда женщина как-то раз даже нашла в своей постели большую дохлую рыбу. *Коима́ч,* древесный окунь, – этот вид известен своей способностью так растопыривать колючие плавники, что небольшое расстояние рыба могла проползти по суше. Окунь пробрался в постель и задохнулся на матрасе.

Чтобы предотвратить ночные обрушения москитной сетки, крепления проверяли и перевязывали каждый вечер. В стране приливов даже в этой рутинной домашней работе были свои тонкости. Однажды, вскоре после своего приезда в Лусибари, Нилима совершила ошибку, попытавшись натянуть сетку почти в полной темноте. Единственным источником света была свеча на подоконнике в дальнем конце комнаты. Будучи невысокого роста, да вдобавок еще близорукой, Нилима не видела толком, что делают ее пальцы, привязывая сетку к бамбуковым стойкам у кровати. Даже когда она вставала на цыпочки, веревки оставались высоко у нее над головой. Внезапно одна из веревок ожила и под пронзительное шипение, словно кнутом, хлестнула Нилиму по ладони. Нилима успела отдернуть руку как раз вовремя, чтобы заметить, как нечто длинное и тонкое падает со стойки. Она разглядела, кто это – чрезвычайно ядовитая древесная змея, обитающая в кронах мангровых деревьев, – прежде чем змея уползла под дверь. В стойках москитной сетки она, очевидно, подыскала себе уютное прибежище.

По ночам, лежа на койке, Канаи воображал, что крыша оживает. Солома шуршала и подрагивала, оттуда доносились тихие нервные повизгивания и шипение. Время от времени вдруг раздавались громкие шлепки, когда всякие разные существа падали на пол, обычно они тут же срывались с места и проскальзывали под дверь, но порой, проснувшись поутру, Канаи находил дохлую змею или кладку птичьих яиц – целое пиршество для армии жуков и муравьев. Иногда эти сюрпризы падали прямо на москитную сетку, растягивая ее по центру и сотрясая стойки. В таких случаях приходилось взять подушку, закрыть глаза и ударить по сетке снизу. Часто при этом загадочное существо, кем бы оно ни было, взмывало в воздух, и больше вы его не видели. Но иногда оно приземлялось обратно в сетку, и тогда приходилось повторять все сначала.

Позади бунгало находился просторный двор, где происходили встречи Женского союза Лусибари. Во времена ссылки Канаи в Лусибари, в 1970-м, союз был маленьким самодеятельным сообществом. Несколько раз в неделю члены союза собирались во дворе, чтобы работать над «проектами, приносящими доход» – вязание, шитье, окрашивание пряжи и тому подобное. Но заодно они пользовались этой возможностью, чтобы поговорить и дать выход своему гневу и горю.

Эти эмоциональные всплески поначалу нервировали Канаи, и он всячески старался держаться подальше от бунгало, когда там происходило заседание союза. Но и тут не обходилось без трудностей, поскольку друзей в Лусибари у него не было и идти было некуда. Здешние ребята его возраста казались Канаи глуповатыми, молчаливыми или необъяснимо враждебными. Зная, что его временная ссылка закончится через несколько недель, Канаи не стремился завязать отношения с этой деревенщиной. После того как некие невидимые руки дважды забросали его камнями, Канаи решил, что лучше ему сидеть внутри бунгало, чем снаружи. И вскоре он уже жадно прислушивался к разговорам во дворе из безопасности кабинета.

На одном из таких собраний Канаи и увидел впервые Кушум. У нее был отколот кусочек переднего зуба, а волосы коротко стрижены, и потому среди островных девушек она казалась диковинкой. Год назад, после тифа, ее обрили наголо. Девочка чудом выжила и по-прежнему считалась инвалидом. Именно по этой причине ей позволяли коротать время на женских собраниях, и – возможно, по той же причине – она, будучи подростком, продолжала носить детское «платьице» с оборочками вместо женского сари. А может, просто чтобы на несколько месяцев дольше использовать еще вполне годную одежду.

Как-то раз во время собрания во дворе одна из женщин принялась рассказывать свою историю в исключительно ярких подробностях. Однажды ночью, когда ее муж уплыл на лодке, свекор явился домой пьяный и вломился в комнату, где спала она с детьми. На глазах у детей он приставил острый даа к ее горлу и попытался сорвать с нее сари. Когда же она стала отбиваться, он порезал ей левую руку мачете, почти отрубив большой палец. Она швырнула в него керосиновой лампой, его лунги вспыхнула, и он сильно обгорел. За это ее выгнали из супружеского дома, хотя единственным ее преступлением было то, что она защищала себя и своих детей.

На этом месте, словно в подтверждение своих слов, женщина повысила голос и закричала:

– Вот здесь он меня порезал, тут и тут!

Канаи, не в силах сдержать любопытства, высунул голову в дверь, глянуть потихоньку.

Женщины, которая рассказывала, не оказалось в поле зрения, а поскольку все во дворе смотрели в ее сторону, никто не заметил Канаи – никто, кроме Кушум, которая отвела взгляд от рассказчицы. Канаи и Кушум не отрывали глаз друг от друга, и весь этот долгий миг казалось, что они смотрят через древнейшую в мире пропасть, каждый оценивал угрозы, лежащие по другую сторону; казалось почти немыслимым, что здесь, в разделяющей их бездне, и таится возможность для таких эмоциональных крайностей, такого насилия. А чудо состояло в том, что результатом этого анализа не стали такие простые чувства, как страх или отвращение, – то, что Канаи увидел в ее глазах, было скорее пробудившимся любопытством, которое, понял он, было отражением его собственного.

Насколько помнил Канаи, именно Кушум первой заговорила с ним, но не в тот день, а следующим утром. Он сидел на полу в одних шортах, привалившись к стене и держа на животе книгу, корешок упирался ему в колени. Канаи поднял взгляд от страницы и увидел, как она заглядывает в дверной проем, удивительно сдержанная и спокойная, несмотря на короткую стрижку и потрепанное красное платье. Нахмурившись, она сказала ворчливо-обвиняющим тоном:

– Что ты тут делаешь?

– Читаю.

– Я видела – ты подслушивал.

– И что? – пожал он плечами.

– Я расскажу.

– Ну иди рассказывай.

Несмотря на показную браваду, угроза его встревожила. Словно в попытке удержать ее от исполнения задуманного, он чуть подвинулся, освобождая ей место. Она села рядом с ним, тоже прислонилась к стене и подтянула колени к подбородку. Не осмеливаясь рассматривать

ее слишком близко, он все же чувствовал, как соприкасаются их плечи, локти, бедра и колени. Потом он заметил родинку над ее левой грудью, родинка была совсем маленькая, но он не мог оторвать от нее взгляд.

– Покажи мне твою книжку, – попросила она.

Канаи читал английский детектив, потому только пожал плечами.

– Зачем тебе смотреть мою книгу? Ты там ничего не поймешь.

– Почему это?

– Ты что, знаешь английский?

– Нет.

– Ну вот. Зачем тогда спрашиваешь?

Она, ничуть не смутившись, некоторое время смотрела на него, а потом сунула ему прямо под нос кулак и разжала пальцы:

– Знаешь, что это такое?

Канаи увидел кузнечика на ее ладони и презрительно скривился.

– Они тут повсюду. Кто такого не видал?

– Гляди. – Кушум сунула насекомое себе в рот и сжала губы.

Это заинтересовало Канаи, и он опустил книгу.

– Ты его проглотила?

Внезапно ее губы разжались, и кузнечик прыгнул прямо в лицо Канаи. Он вскрикнул, отшатнулся и повалился на бок, а она смотрела, весело смеясь.

– Это всего лишь букашка, – сказала она. – Не бойся.

Слова

Помывшись и переодевшись, Пия с полотенцем в руках перебралась на нос лодки. Она попыталась выяснить у Фокира название ткани, но ее вопросительные жесты вызвали лишь недоуменно-хмурый вид и приподнятые брови. Этого следовало ожидать, поскольку до сих пор он не проявлял особого интереса к тому, чтобы называть предметы по-бенгальски, указывая на них. Пию это даже озадачило, поскольку она привыкла, что люди почти автоматически приступали к ритуалу называния всего, что попадалось на глаза, когда рядом оказывался чужак, говорящий на другом языке. Фокир был исключением в этом смысле, он не предпринимал подобных попыток, так что неудивительно, что его поверг в недоумение ее интерес к слову, которое обозначает полотенце.

Но Пия не отставала, настойчиво жестикулируя, пока до него в конце концов не дошло.

– *Га́мча,* – коротко ответил Фокир, и, конечно, это оно и было, то слово, Пия его точно знала. *Гамча, гамча.*

Как можно потерять слово? Оно прячется в глубинах памяти, как игрушка, забытая в шкафу, покрытая паутиной и пылью, дожидаясь, пока ее отмоют или откроют для себя заново…

Бывали времена, когда бенгальский язык разъяренным потоком ломился в ее двери. Пия заползала в гардероб и запиралась там, закрывая уши, чтобы отгородиться от звуков. Но дверца шкафа не защищала от родительских голосов, этот язык, на котором они ссорились, и звуки их скандалов всегда находили способ просочиться в любую щель, и уровень все поднимался, пока Пии не начинало казаться, что она утонет в этом потоке. Их голоса имели свойство находить ее, как бы хорошо она ни пряталась. Накопленные обиды на жизнь всегда были сформулированы на этом языке, потому для Пии звук его стал музыкой несчастья. Свернувшись калачиком в шкафу, она мечтала отмыть голову от этих звуков, ей хотелось слов весомых, как нержавеющая сталь, звуков, вываренных дочиста, стерильных, как хирургические инструменты, – инструменты, на которых не содержится ничего, кроме значения, записанного в словаре, лишенных боли, воспоминаний и духовной сущности.

В комнате Пии было одно окно с видом на Пьюджет-саунд[47]. Квартира была скромной – две спальни, гостиная и кухня, – и единственным примечательным элементом был кусочек вида в окне большой спальни, выходящем на запад.

Никогда даже не стояло вопроса, что именно ей, двухлетней Пии, будет отведена эта спальня. Пия была божеством, вокруг которого выстраивалась их жизнь, квартира была ее храмом, а ее комната – святилищем в этом храме. Родители занимали другую спальню, такую маленькую, что им приходилось забираться в постель, перелезая через изножье кровати. Это замкнутое пространство стало эхо-камерой для отражения взаимных претензий. Они могли часами препираться по пустякам, лишь время от времени собираясь с силами, чтобы вступить в полномасштабную ссору.

В течение пяти лет Пия пользовалась просторной спальней, пока мать внезапно не выселила ее оттуда. Она не могла больше выносить условий заточения в обществе отца Пии и больше всего на свете хотела отгородиться от остального семейства.

Вскоре у нее обнаружили рак шейки матки. Но прежде еще был период, когда она разрешала Пии сидеть рядом на кровати. Пия была единственным человеком, которому позволялось находиться в ее присутствии, прикасаться к ней, видеть ее. Все прочие были исключены – и в первую очередь отец. Голос матери приветствовал ее, как только Пия появлялась на пороге квартиры, возвращаясь из школы: «Иди сюда, Пия, заходи и садись». Странно, что она не пом-

[47] Залив в Сиэтле.

нит, как звучали эти слова (на английском или на бенгали?), но точно помнит смысл, интонации, голос. Войдя, Пия видела мать, свернувшуюся на кровати, в старом сари. Она, должно быть, все утро проводила в ванной, пытаясь отчиститься от воображаемой скверны, и кожа ее была неровной от долгого пребывания в воде.

Только тогда, сидя рядом с ней и глядя на Пьюджет-саунд, Пия узнала, что часть детства мать провела с видом на реку – Брахмапутру, протекавшую по границе чайной плантации в Ассаме, которой управлял ее отец. Мать, уставив взор в бесконечность, рассказывала ей истории о другой, счастливой жизни, об играх в залитым светом садах, о прогулках по реке.

Позже, в аспирантуре, у Пии иногда спрашивали, не связан ли ее интерес к дельфинам с семейной историей. Это предположение неизменно раздражало ее – не только потому что возмущало само предположение, будто интересы определяются происхождением, но и потому что это не имело никакого отношения к истине. Ни отец, ни мать никогда и не думали рассказать ей хоть о каком-то аспекте ее индийского «наследия», который мог ее заинтересовать, – они всегда говорили только об истории, семье, долге, языке.

Они, к примеру, очень много говорили о Калькутте, однако ни разу не упомянули, что именно там был впервые обнаружен *orcaella brevirostris,* удивительный родственник величественных косаток залива Пьюджет.

Вскоре стало ясно, что Фокир готовится к ужину. Из трюма под палубой он вытащил пару крупных шустрых крабов и отправил их в заточение в закопченный котелок, прежде чем вновь сунуться в кладовку за ножом. Вслед за крабами Фокир достал большой цилиндрический предмет, какой-то глиняный сосуд с дырой сбоку. Лишь когда Фокир принялся совать в дыру щепки, Пия догадалась, что это переносная глиняная печка. Он отнес печь на корму и там, подальше от легковоспламеняющейся крыши навеса, чиркнул спичкой и раздул пламя. Потом промыл рис, слил воду в помятую жестяную миску, долил свежей и поставил на огонь. Пока рис закипал, разделал крабов, разламывая клешни ножом. Когда рис был готов, Фокир снял горшок с огня и поставил на его место закопченную алюминиевую посудину. Затем открыл помятый жестяной контейнер, достал с полдюжины бумажных свертков, развернул и разложил полукругом возле печки. Внутри оказались специи, и их цвета – красный, желтый, бронзовый – ярко засияли в свете шипящего пламени. Он плеснул в горшок немного масла, и руки запорхали над бумажными свертками, приправляя брызжущее масло щепотками куркумы, чили, кориандра и кумина.

Резкие запахи раздражали нос Пии. Прошло много времени с тех пор, как она ела подобную пищу, в полевых условиях она редко питалась чем-то не из консервных банок или пакетов. Три года назад, работая в заливе Малампайя на Филиппинах, она была неосторожна с едой и так сильно отравилась, что ее пришлось вертолетом эвакуировать в Манилу. С тех пор в каждой экспедиции она запасалась минеральной водой и дорожным перекусом – в основном протеиновыми батончиками. Иногда прихватывала заодно пару банок «Овалтина»[48] или другого порошкового напитка. Если под рукой оказывалось молоко, свежее или концентрированное, она баловала себя стаканом «Овалтина», в противном случае обходилась малым – пары протеиновых батончиков в день ей хватало. Эта привычка давала еще и такое дополнительное преимущество, как возможность не пользоваться нестандартными, а порой невообразимыми уборными.

Сейчас, наблюдая за Фокиром у печки, Пия понимала, что он предложит ей еду, и знала, что откажется. И тем не менее, даже испытывая отвращение к запаху, она глаз не могла оторвать от порхающих пальцев, как будто вновь стала маленькой девочкой, привстающей на цыпочки, чтобы посмотреть на блестящие баночки, выстроившиеся на столе у плиты. Она словно видела руки матери, так же порхавшие между всевозможными яркими приправами и

[48] Популярный бренд растворимых напитков, содержит какао, ячменный солод, молоко и витамины.

готовящимся блюдом. Они почти стерлись из памяти, эти образы прошлого, и меньше всего она ожидала увидеть их здесь, на этой лодке.

Было время, когда это были запахи дома. Так пахла мама, когда Пия возвращалась из школы, эти ароматы заполняли лифт, поднимающийся на их этаж. Эти запахи приветствовали ее на пороге, словно домашние животные, существа с собственной жизнью, обитающие в душном жарком воздухе квартиры. Кухня представлялась ей клеткой, из которой они никогда не выбирались, поэтому для нее стало двойным потрясением, когда она обнаружила – по колким шуткам и случайным намекам на детской площадке, – что запахи следуют за ней повсюду, как невидимые зверюшки. В ответ Пия решила дать отпор – отпор запахам и матери, с тихой свирепой решительностью отгородиться от них закрытыми дверями, запереть их в кухне.

Но сейчас призраки тех созданий, казалось, притихли под действием окружающего мира. Чары танцующих пальцев Фокира развеялись, только когда ветерок принес едкий запах жженого чили прямо ей в лицо. И тут же призраки внезапно вновь ожили, впиваясь ей в горло и в глаза, яростно набрасываясь, будто она была врагом, вторгшимся незаметно. Пия отступила на нос, а когда Фокир направился к ней с тарелкой риса и вареного краба, она отмахнулась своими протеиновыми батончиками и бутылкой воды, улыбаясь и виновато мотая головой, чтобы показать, что не хочет никого обидеть.

Он принял отказ с готовностью, удивившей Пию, она ожидала возражений, восклицаний, демонстрации того, как ему больно и как он задет. Но ничего подобного. Вместо этого он кивнул и одарил ее долгим холодным и оценивающим взглядом, словно мысленно перебирал список причин, по которым она могла отказаться принять пищу из его рук. Пия встревожилась, что Фокир мог вообразить, будто она отказалась от его еды по мистической, религиозной или кастовой причине, поэтому положила ладонь на живот и разыграла небольшое представление на тему своих кишечных страданий. Похоже, это сработало, потому что он рассмеялся, запрокинув голову, и передал тарелку Тутулу, которого уговаривать дважды не пришлось.

После ужина посуда и печка были возвращены в кладовку, а оттуда извлекли циновки и одеяла. Тутул, уже сонный, развернул под навесом одну из циновок и тут же провалился в сон, натянув одеяло на голову. Развернув вторую циновку рядом с циновкой мальчика, Фокир знаками показал Пии, что это ее место. Но у нее был свой коврик, тонкая синяя пенка, привязанная к раме рюкзака. Распустив эластичный шнур, она развернула коврик так, что изголовье было направлено вперед, почти касаясь округлого носа лодки.

Фокир встревожился, поняв, что она намерена провести ночь здесь. Покачав головой, он предупреждающе поднял палец, показывая на лесистые берега в отдалении. Жест был намеренно неопределенным, Пия догадалась лишь, что предупреждение касается какого-то животного, хищника. Теперь она начала понимать, почему лодка встала на якорь в таком странном месте, – вероятно, чтобы находиться вне досягаемости для тигров. Она никогда особо не интересовалась наземными хищниками, но не могла представить, чтобы даже самый голодный из них решился напасть так далеко от берега. И даже если так, то какая разница, где находиться, на корме или на носу? Лодка, скорее всего, просто перевернулась бы под тяжестью тигра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.